

Министерство образования и науки России
Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего профессионального образования
«Казанский национальный исследовательский
технологический университет»
Кафедра социальной и политической конфликтологии

VII Всероссийская научно-практическая
и научно-методическая конференция

«КОНФЛИКТЫ В СОЦИАЛЬНОЙ СФЕРЕ»

15–16 марта 2013 года

Казань
Издательство КНИТУ
2013

Коллектив авторов

**VII Всероссийская научно-
практическая и научно-
методическая конференция
«Конфликты в социальной
сфере», 15–16 марта 2013 года**

«БИБКОМ»

2013

УДК 316
ББК 60.5

Коллектив авторов

VII Всероссийская научно-практическая и научно-методическая конференция «Конфликты в социальной сфере», 15–16 марта 2013 года / Коллектив авторов — «БИБКОМ», 2013

Представлены материалы VII Всероссийской научно-практической и научно-методической конференции «Конфликты в социальной сфере» (15-16 марта 2013 г., г. Казань). Сборник предназначен для преподавателей, аспирантов и студентов, исследователей широкого спектра конфликтологических проблем современного общества, практических работников социальных учреждений, конфликтологических центров и общественных организаций.

УДК 316
ББК 60.5

© Коллектив авторов, 2013
© БИБКОМ, 2013

Содержание

ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ	5
Трудовые конфликты в аспекте социальной ответственности бизнеса и профсоюзов	5
Социально-политические напряжения и конфликты в поликультурных обществах	10
Шаткое равновесие: режим и политические протесты в современной России	13
Социальная напряженность и конфликты в Уральском регионе	18
Системный подход и синергетика (теория самоорганизации) в конфликтологии социальной работы	24
Конфликт по вопросу репатриации сирийских черкесов на российский Кавказ: информационный аспект	28
Секция I. Социальные и трудовые конфликты в современном мире и в России: диагностика и управление	33
Девииации как факторы социальной конфликтогенности	33
Бизнес, власть и общество: конфликт интересов	38
Современный мировой экономический кризис и трудовой конфликт	42
Воспитание детей в однополых семьях: роль права в разрешении социального конфликта (опыт Великобритании)	47
Дискриминация при приеме на работу: неразрешенный законом конфликт	50
Диагностика процесса трансформации социальных напряжений в социальную деструкцию: некоторые методологические подходы	53
Динамика развития экологических конфликтов в туристической деятельности	58
Конец ознакомительного фрагмента.	61

VII Всероссийская научно-практическая и научно-методическая конференция «Конфликты в социальной сфере», 15–16 марта 2013 года

ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ

Трудовые конфликты в аспекте социальной ответственности бизнеса и профсоюзов

Шаленко В.Н.

Российский государственный социальный университет, г. Москва

При анализе форм проявления трудовых конфликтов выявляются две основные тенденции. Первая выражается в том, что трудовые конфликты в кризисный период все чаще выходят за пределы бастующего предприятия, приобретая публичный характер. Забастовщики апеллируют уже не только к своему работодателю, но и к властям, правоохранительным органам, общественным организациям и населению. Эта тревожная тенденция свидетельствует, на мой взгляд, о серьезных препятствиях для эффективного регулирования конфликта интересов между трудом и капиталом. Вторая тенденция заключается в том, что остается незначительной доля законных форм протекания коллективных трудовых конфликтов. Для реализации своих интересов бастующие работники ориентируются не на те правила и процедуры, которые установлены законом, а то, что, по мнению неудовлетворенных людей больше их устраивает, то есть стихийные или общегражданские акции. А этот факт, в свою очередь, еще раз служит подтверждением того, что нынешнее трудовое законодательство с его чрезмерно сложной для реализации технологией не позволяет большинству участников коллективных трудовых споров регулировать возникающие противоречия целей и интересов на взаимовыгодной основе.

В свете выявленных выше тенденций в сфере социально-трудовых споров и конфликтов, развивающихся в условиях финансово-экономического кризиса в России, рассмотрим вопрос об оптимальных формах профсоюзных структур и реальных стратегиях, которыми они руководствуются при выполнении своих основных функций, в том числе, при регулировании коллективных трудовых споров и конфликтов.

В настоящее время сложились различные формы взаимодействия отраслевых профсоюзов с работодателями и различные формы структур профсоюзов в вертикально-интегрированных компаниях. С выходом российского предпринимательства за пределы отдельного предприятия усложняется система управления трудовыми отношениями, внутри которой функция профсоюзной организации во взаимоотношениях наемных работников с работодателями все более смещается от представительства интересов коллектива к посредничеству между ним и администрацией. Успешное существование профсоюзной организации стало полностью зависеть от ее способности налаживать такое сотрудничество с менеджментом, которое опирается на признание приоритета интересов производства перед интересами персонала и зависит от способности руководства обеспечивать работникам приемлемый уровень оплаты и условий труда, а также от способности профсоюза достичь удовлетворитель-

ного уровня трудовой мотивации и дисциплины. Именно так называемым «корпоративным» профсоюзам с их лояльностью к собственнику, удалось достичь высокого уровня профсоюзного членства, широкого распространения коллективных соглашений, финансовой стабильности. Но не следует забывать, что преимущество формальных показателей «корпоративного» варианта социального партнерства отражает экономические преимущества нефтяных, металлургических и немногих других крупных корпораций, способных реализовать наиболее масштабные социальные программы. В то же время, подчеркивают эксперты [1, 28-29], в межрегиональной профсоюзной организации вертикально-интегрированной компании имеет место недостаточная эффективность отраслевых переговоров вследствие действия таких факторов, как формализация процесса переговоров, отчуждение первичных профсоюзных организаций от участия в переговорах на уровне управляющей компании, низкая активность членов профсоюза. Весьма скудна практика проведения забастовок в поддержку коллективных переговоров или как протест против невыполнения соглашений коллективного договора.

На уровне предприятия процесс социального диалога профкомов с работодателями также нельзя назвать полноценными коллективными переговорами. Участие работников сводится к подаче предложений и замечаний в проект колдоговора, внесение которых зависит от сторон согласительной комиссии и не контролируется коллективом, а сами переговоры представляют собой аппаратный процесс, завершающийся голосованием на конференции, которое в свою очередь сводится к утверждению согласованного проекта колдоговора. Таким образом, роль профкомов заключается не в борьбе за повышение расходов работодателя на финансирование оплаты и условий труда, а в управлении этими средствами в тех объемах, которые определяет менеджмент. Неудивительно поэтому, что в многочисленных ситуациях нарушения прав работников и условий соглашений колдоговора профкомы играют роль тормозов, сдерживающих стихийные протестные выступления недовольного персонала, стремятся свести объективные конфликты интересов к переговорным процессам.

В российской научной литературе опыт деятельности профсоюзов в постсоветский период эксперты оценивают неоднозначно. Одни исследователи отмечают большой удельный вес советских норм и традиций, когда профсоюзы сохраняют функции социальных отделов на предприятиях. Другие аналитики считают, что налицо скорее сложный противоречивый поиск профсоюзными структурами нового места в жизни нового общества. Но как бы то ни было, до сих пор в профсоюзном движении отсутствует целостное единое понимание его актуальных внутренних проблем.

Согласно опросу лидеров региональных профсоюзных организаций наиболее острыми *внешними* проблемами для них являются [2]: отсутствие единой федеральной профсоюзной стратегии, которой придерживались бы все структуры, включая профкомы предприятий; потеря ресурса контроля региональными руководителями над деятельностью профкомов предприятий; отсутствие единоначалия в профсоюзной организации предприятия. По мнению многих респондентов, до недавнего времени ФНПР придерживалось ошибочной позиции, чтобы все решение принимались на низовом уровне. Сегодня профком не способен ставить стратегические вопросы, он решает задачи вполне конкретные. В то же время руководители профсоюзных комитетов крупных успешных компаний, в том числе вертикально-интегрированных, не хотят возвращаться под контроль областных и региональных структур. К числу *внутренних* проблем региональные профсоюзные руководители относят: неготовность наемных работников самостоятельно и цивилизованно бороться за свои права и интересы; противоречия интересов между массовыми трудовыми организациями и группой профработников; кадровый дефицит в профсоюзном движении, а также растущий индивидуализм нового поколения профсоюзных активистов.

С позиций первичных профсоюзных организаций из числа *внутренних* самая главная проблема – это напряженные и конфликтные отношения между профкомами и трудовыми коллективами, вызванные массовой пассивностью трудящихся, их «социальным иждивенчеством».

Однако, на мой взгляд, низовые профсоюзные лидеры в полной мере не осознают потенциальной опасности конфликтного противоречия между индивидуализмом нового поколения работников, дистанцирующихся от массовых организаций трудящихся, и «коллективизмом» старших поколений, унаследованным от советской эпохи. В этих условиях руководители профкомов предприятий важнейшими своими задачами считают: воспитание у работающей молодежи более ответственного отношения к профсоюзной организации; отказа от взгляда на профсоюз только как на «социально-бытовой отдел» предприятия. При этом решение данных задач затруднено в связи с тем кадровым дефицитом, отсутствием нового поколения профсоюзных лидеров, способных ставить и решать новые, более сложные вопросы.

К *внешним* проблемам, тормозящим деятельность профсоюзов предприятий и фирм, респонденты отнесли: недоступность для прямых контактов руководства крупных корпораций, включая участие иностранного капитала, штаб-квартиры которых находятся за пределами данного региона; жесткая позиция в отношении низовых профсоюзов со стороны бизнес – структур, которые не желают с ними сотрудничать; зависимость решения социальных проблем персонала (например, повышения оплаты труда) от экономического положения предприятия.

Материалы социологических исследований позволили выявить три аналитических типа профсоюзных стратегий на уровне предприятия: стратегию «традиционного участия», стратегию «разумных шагов» и стратегию «внутрикорпоративного партнерства». Рассмотрим конкретно каждую из них.

Проводя стратегию «традиционного участия», профкомы лишены самостоятельности и выполняют лишь те социальные функции, которые разрешены менеджментом и собственником предприятия. По сути дела это – разновидность «государственного патернализма», при котором государство является основным работодателем, определяющим оплату труда, а профсоюз выступает защитником интересов трудового коллектива и распределителем социальных благ и услуг. Даже переход предприятий в частную собственность мало меняет главные черты этой стратегии, которая вместо государства при социализме ориентируется на частного работодателя при российском капитализме. Собственник и топ-менеджеры терпят профсоюз как ритуальный институт и «дань традиции». Руководство проводит политику открытого патронажа, в том числе и административного, назначая руководителем профкома заместителя директора по персоналу. Именно таким профсоюзам склонны не доверять многие трудящиеся.

Реализация стратегии «разумных шагов» предполагает превращение профсоюза в относительно самостоятельного субъекта социальной политики в духе западных тред-юнионов. Акценты в их деятельности смещаются с распределения социальных услуг на защиту интересов наемных работников в сфере производства. Стремясь успешно адаптироваться к новым социально-экономическим условиям, они ищут новые пути решения своих актуальных проблем. Характерным примером является профком НПО «Сатурн» по производству авиационных двигателей (г. Рыбинск Ярославской области), который формулирует новые задачи.

Во-первых, воспитание у трудового коллектива основ корпоративной культуры и приобщение работников к целям и задачам, стоящим перед предприятием. Во-вторых, адаптация управленческих решений руководства к социальным потребностям персонала. Например, проведение более активной кадровой политики среди работающей молодежи.

В-третьих, создание для всех сотрудников единых базовых социальных условий (равный доступ к оздоровительным учреждениям, медицинское страхование) и содействие сокращению чрезмерных разрывов в уровнях оплаты труда. В-четвертых, разработка инновационных методов социальной политики, которые способствуют развитию самостоятельной экспертно-аналитической деятельности. Профсоюзу это особенно необходимо при проведении ежегодных переговоров с руководством о заключении коллективных договоров. Так, в случае «конфликта интересов» профком обращается к помощи независимых экспертов, которые предоставляют им необходимые расчеты, а эти результаты предъявляются в качестве весомых аргументов «с цифрами в руках». И, надо сказать, это вызывает уважительное отношение со стороны высшей администрации.

На тех предприятиях, где профсоюзы были созданы по решению и под эгидой руководства, осуществляется стратегия «внутрикорпоративного партнерства». Вместе с рядовыми работниками членами профсоюза являются руководители среднего и высшего звеньев управления. По этой модели действует профсоюзное объединение ОАО «Лукойл», созданное в 1994 г. В декабре 2002 г. корпорация приняла Кодекс корпоративного управления, где важнейшими задачами являются «укрепление корпоративной морали» и «приобщение персонала к задачам компании». Отношения между работодателем и профсоюзной организацией строятся на принципе «уважения взаимных интересов», что зафиксировано в коллективном договоре.

Однако это деловое партнерство строится на взаимных ограничениях своих интересов.

Руководство берет на себя обязательства: предоставить профсоюзу возможность участия в деятельности руководящих органов компании;

предоставлять профсоюзам необходимую информацию; перечислять 0,5 % от фонда заработной платы на счет профсоюза для проведения культурно-массовой и спортивной работы. В свою очередь профсоюз обязуется не объявлять и предотвращать забастовки работников.

В чем я усматриваю ценность стратегии «корпоративного партнерства»? Прежде всего, в том, что она направлена на сохранение «социального мира», как внутри корпорации, так и за ее пределами. Для компаний, акции которых котируются на международных биржах, важно отвечать мировым стандартам требований к социальным показателям деятельности крупного бизнеса.

По убеждению большинства участников опроса, собственников и руководителей предприятий, сегодня главная задача профсоюзов состоит не только в том, чтобы бороться с администрацией за повышение оплаты труда и сохранение кадров персонала, сколько быть *посредником* между высшим руководством и трудовым коллективом. Меньшая часть респондентов уверена в том, что профсоюзам до сих пор не удалось вписаться в рыночную экономику, а это диктует необходимость научиться действовать в изменившихся социально-экономических условиях.

Таким образом, российским профсоюзам, большинство из которых вышло из советского прошлого, непросто осваивать новые социальные роли и функции. Сложность этого процесса состоит в том, что традиционные профсоюзы, а именно они составляют основную профсоюзную массу, лишены возможности оказывать ощутимое влияние на отечественный бизнес. Тем не менее опыт отдельных продвинутых отраслей экономики показывает, что возможны успешные организационные инновации в плане реализации новых структурных форм построения профсоюзных организаций, о чем свидетельствует деятельность профсоюзов в целом ряде вертикально-интегрированных компаний. В результате новые подходы к социальной политике в профсоюзном движении чаще всего реализуются «снизу», а площадками успешных социальных экспериментов становятся отдельные крупномасштабные корпорации, такие, как «Газпром», «Лукойл», «Связьинвест» и другие.

Список литературы

1. Организационное строение и деятельность профсоюзных структур в вертикально-интегрированных компаниях. Проблемы оптимизации. Сб. – М.: Изд. дом «АТИСО», 2008.
2. Социальная политика бизнеса в российских регионах: Сб. науч. тр. / РАН ИНИОН. Центр науч. – информ. исслед. глобал. и регион. пробл. Отдел глобальных проблем; Отв. ред. Лапина Н.Ю. – М., 2005.

Социально-политические напряжения и конфликты в поликультурных обществах

Танчер В.В., Шевель И.П.

Киевский национальный университет культуры и искусств, г. Киев.

Проблемы поликультурности (мультикультурализма) в современных обществах приобрели особую актуальность в наше время по многим причинам. Среди них можно отметить потребность в поиске национально-культурной идентичности в мире, который стремительно глобализируется, в ускоряющейся коммуникации, информационно-культурном взаимообмене в эпоху всемирной сети, возрастающей пространственной мобильности и культурной диффузии, в ситуации непосредственного сосуществования и конкуренции разных культурных традиций, мировосприятия и ценностных систем и т.д.

Эти процессы неизбежно сопровождаются постоянно возникающими социальными напряжениями и разного рода конфликтами в общественном бытии. Проблемы разнотурного сосуществования или, как чаще их обозначают, мультикультурализма в нынешней общественной жизни проявляются в двух аспектах – социально-политическом и культурологическом. Политические напряжения, которые взбудоражили стабильный и благополучный «западный мир» в XXI в. и породили сомнения в присущих ему терпимости, политкорректности, благопристойности и т.п., понуждают искать решения этих проблем в политической плоскости взаимоотношений в поликультурных обществах. Такая напряженность и конфликтность возникает прежде всего там, где в условиях разнотурного сосуществования ожидаются и требуются единые социальные стандарты «западного мира» без приятия его культурных стандартов и образцов поведения, стремления жить одновременно в современной «социальной державе» и сепаратном этнокультурном, традиционном обществе, в светском, демократическом, открытом обществе и религиозно и нравственно строго предписывающем сообществе. Неизбежно формируются угрозы дезинтеграции общества, этнокультурного экстремизма вплоть до терроризма, этноконфессиональных противостояний, культурного размежевания отличных сообществ.

В этой связи актуализируется потребность социологического мониторинга зон напряженности, политологического анализа проблемных сфер и поиска способов и механизмов их нейтрализации и сглаживания. Для конфликтологов открывается широкое поле для анализа и разработки действенных мер противостояния разрушительным для общества процессам.

Европейское сообщество, как это представляется теперь, пока не нашло таких способов и мер. Многие политические лидеры крупных европейских стран заявили о крахе политики мультикультурализма: надежды и иллюзии не устояли перед неприглядной реальностью. Бесчинства арабской молодежи в пригородах Парижа и цыганское попрошайничество и мошенничество в его центре, «шариатские патрули» в Лондоне и «славянская» проституция во всех европейских столицах и другие проблемы с девиантными группами и этнокультурными сообществами тому примеры, не сходящие с новостных страниц европейских СМИ. Столкновение разных нравственно-ценностных миров, сплетаясь с социальными и политическими конфликтами, становится угрозой стабильности и благополучию этих стран.

Нельзя обойти и философский аспект проблем поликультурного общества: как возможно без предубежденности воспринимать «иную» культуру и традиции с позиций собственной? Особенно если мировосприятие, нравственно-нормативные системы, образ жизни существенно отличаются, «культурные коды», которые определяют мироощущения почти на генетическом уровне, противоречат один другому. Попытки поставить все на фундамент «общечеловеческих», гуманистических ценностей чаще всего приводили к попыт-

кам выдать за них собственные, так сказать, «западные» (или же иудео-христианские постулаты) в качестве универсальных, прогрессивных. Этноцентризм национальных культур вступил в противоречие с глобалистскими тенденциями общественного развития, где доминирует один тип культуры.

Дискуссии культурологов оставляют эти вопросы открытыми, а политические разрешения проблем сосуществования разных систем взглядов и критериев в поликультурном обществе остаются неопределенными и необоснованными. Считается, что налаживание, гармонизация межкультурного диалога будет иметь лучшие перспективы в процессе позитивной глобализации, ее успешности, с равновесием глобального и локального, универсального и партикулярного в мировом культурном развитии. Однако это пока только перспектива.

В недавней истории можно найти несколько примеров попыток решения проблем поликультурного социума. Известны несколько моделей более или менее успешной мультикультурной общественной организации, в частности:

- американский «плавильный котел», сплавление различных иммигрантских культур, традиций, обычаев, вкусов... – в общую американскую культурную модель, принятие единого ценностно-нормативного образца (американский образ жизни, «американскую мечту», бытовые стандарты, способы самореализации и т.д.);

- советская многонациональная культура с унифицированным «социалистическим содержанием», разливанием этого содержания в национальные формы, внедрение обязательного идеологического образца (большевицких идеалов и целей, коллективистского поведения, «морального кодекса строителя коммунизма» и т.п.), при этом декларировался ориентация на поддержание высоких образцов мировых художественных достижений и поддержку национальных, региональных культурных продуктов, при условии, если они вписывались в идеологические рамки;

- западноевропейская модель, реализующаяся в наши дни: культивирование многокультурных укладов и толерантное сосуществование различных ценностных систем при условии признанного доминирования либеральной идеологии и ценностно-нормативных установок того образа жизни, который принято обозначать как буржуазный, рационалистских ориентаций «западной цивилизации».

Все эти модели имеют свои преимущества и недостатки, но окончательно так и не решили проблемы поликультурного сосуществования. Более того, ставка на достижение позитивных для общества результатов при помощи поддержки мультикультурализма все чаще оценивается негативно. Проявления нетерпимости, агрессивного неприятия иннокультурных взглядов, вкусов, обычаев время от времени сотрясают западноевропейские страны. Развитию мультикультурализма противопоставляется цели инкультурации, интеграции обществ на основе общих культурных образцов и форм поведения.

Вместе с тем, снятие проблем и преодоление трудностей разнотультурного общественного устройства видится на пути последовательного культурного взаимообогащения и взаимопроникновения, то есть опираясь на культурный диффузионизм. Эта концепция приобретает особую актуальность в современном глобализирующемся мире.

Масштабность и быстрота протекания культурного взаимообмена и взаимовлияния в глобальном мире достиг небывалых размеров. Развитие человечества всегда протекало через заимствование, модификации, усовершенствование перенятых образцов. Об этом свидетельствуют исторические, археологические, культурологические исследования. Удачные достижения одних народов и стран становились достоянием всего человечества.

Ярким примером может служить древнейший культурный продукт человеческого сообщества – кулинария. То, что часто принято считать национальным самовыражением народа в «любимом блюде», на самом деле было заимствованием у других. (Так, итальянские

макароны (паста) были завезены в Италию Марко Поло из Китая, оттуда же родом «сибирские» пельмени; «национальная гордость» россиян – водка – польского происхождения, а украинский борщ воплотил лучшие характеристики блюд всех своих соседей, и т.д.) Это справедливо и в области национальной одежды, обычаев, художественного творчества... В наши дни кулинарные взаимопроникновения приобрели невиданный размах: в Киеве японских и тайских сетей ресторанов больше, чем украинских; восточная шаурма и американский fast food господствует на всем европейском пространстве, то же с итальянскими пиццериями и английскими пабами. Можно сказать, что мульти кулинаризм победил во всемирном масштабе.

Таким образом, культурные заимствования, перенос иностранного на национальную почву, гибридизация, смешение чужеродных элементов с местными и тому подобное – выступают убедительными примерами всепроникающего культурного диффузионизма. Каналами и механизмами его являются:

- глобальные mass-media, интернет, телевидение, популярная культура и искусства;
- торговля, мировые бренды, супермаркеты;
- массовый туризм, индустрия досуга;
- массовые миграционные процессы и др.

Таким образом, поликультурность современных обществ выступает неизбежным следствием глобализационных процессов и их одной из главных характеристик. Они неразрывны и взаимно обуславливаемые.

Между тем, думается, следует различать мультикультурализм как социально-политическую цель, достигаемую политическими и административными средствами, искусственно навязываемую обществу, и естественную поликультурность, неуправляемо возникающую, постепенную культурную диффузию, стихийное взаимопроникновение, смешение культур на основе современных технологий и знаний. Хотя интенсивная глобализация не только увеличивает социальные риски, но проблематизирует культурное взаимодействие, имеющую тысячелетнюю историю, многолика культура человечества будет достоянием всех народов. Тем не менее, необдуманные и поспешные действия в этом направлении, нередко, имеют последствиями социально-политические напряжения и конфликты на чисто культурной почве. Запреты и преследования, в частности, на ношение тех или иных видов одежды, на употребление тех или иных продуктов, на формы досуга и традиционные ритуалы и т.п. – не способствуют культурной интеграции общества, социальной гармонизации и политической стабильности, которые провозглашаются главными ориентирами либерально-демократических общественных систем.

Для такой большой, поликультурной и многонациональной страны как Россия, проблемы культурных взаимоотношений и взаимовлияний всегда будут актуальными, а значит – предметом анализа, исследований, дискуссий. Рассмотрение приведенных выше концепций и оценок, очевидно, будет плодотворным.

Шаткое равновесие: режим и политические протесты в современной России

Сергеев С.А.

КНИТУ, г. Казань

Анализируя динамику развития политических протестов в ряде стран Восточной Европы, Юго-Восточной Азии и Латинской Америке в 1980-е гг., известный политолог и транзитолог А. Степан сделал ряд важных наблюдений, которые весьма полезны при анализе политической ситуации в России в 2012 – 2013 гг. Прежде всего, он выделил пять групп, участвующих в процессе демократизации (или авторитаризации). Это: 1) ядро или центральная группа сторонников режима (те, кто считает, что их политические, экономические или институциональные интересы лучше всего удовлетворяются при статус кво); 2) репрессивный аппарат, благодаря которому режим удерживается у власти; 3) пассивные сторонники режима; 4) активные оппоненты режима; 5) пассивные оппоненты режима [1, 62]. Как они ведут себя в условиях укрепляющегося авторитаризма? Ядро сторонников режима «охвачено чем-то наподобие синдрома «осажденной крепости», всемерно поддерживает режим, включая предпринимаемые им репрессии. Военные и служба безопасности в значительной мере склонны отождествлять интересы своих организаций с интересами режима. Столкнувшись с сильным режимом, пользующимся поддержкой двух мощных групп, третья группа – пассивные сторонники – подчиняются авторитарной гегемонии. «Таким образом, целостный и уверенный в себе авторитаризм может поставить под свои знамена бесчисленное количество интеллектуалов среднего класса, служащих, журналистов и иных профессионалов» [1, 63]. Что касается оппозиции, то ее активисты приведены в смятение направленными против них массовыми репрессиями режима. Пассивная оппозиция в этом случае стремится держаться подальше от тех, кто активно противостоит режиму. В условиях эрозии режима всё меняется. Группа сторонников режима начинает фрагментироваться, боясь, что рушащийся режим потянет и ее за собой. Некоторые из ядра сторонников режима решают, что увековечение авторитаризма не в их интересах, и перейдут к пассивной – иногда даже активной – оппозиции. Этот раскол сторонников режима прямо влияет на решимость защищать режим со стороны армии и сил безопасности. Неудивительно, что в этих условиях некоторые из пассивных сторонников режима сдвигаются к пассивной оппозиции. Пассивная оппозиция увеличивается количественно и начинает поддерживать действия активной оппозиции [1, 64].

Вместе с тем этот анализ изменения соотношения сил в динамических процессах авторитаризации / демократизации не рассматривает возможность «зависания» ситуации, хотя такие случаи, в общем, не так уж редки (Чили или ЮАР 1980-х гг.) [2, 169 – 170]. Оппозиция не может сместить правительство, но и правительство не в силах подавить оппозицию. Феномену «зависания» политических протестов в России в 2012 – 2013 гг. мы и уделим основное внимание ниже.

Оппозиционные протесты декабря 2011 – января 2013 гг. достаточно четко разделяются на три периода: 1) декабрь 2011 г.; 2) февраль – март 2012 г.; 3) май – июнь 2012 г.; г) сентябрь 2012 г. – настоящее время.

Протесты декабря 2012 г. были наиболее массовыми и неожиданными; пожалуй, ни сторонники, ни противники режима не могли предположить такого развития событий. Правда, группа аналитиков во главе с М. Дмитриевым и С. Белановским в марте 2011 г. предупреждала, что в политическом сознании российского населения быстрыми темпами стала нарастать делегитимизация власти, и сохранение этой тенденции может привести в

обозримом будущем к политическому кризису, который по своей интенсивности может превзойти период конца 1990-х гг. и вплотную приблизиться к эпохе конца 1980-х гг. Одним из факторов кризиса называлась массовая оппозиционность среднего класса [3]. Декабрьские акции протеста охватили почти 100 российских городов. Наиболее многочисленные митинги состоялись в крупных городах европейской части России и Сибири: Екатеринбурге, Новосибирске, Томске, Самаре, Архангельске, Волгограде, Перми, Челябинске. Эти протесты организовывались не оппозиционными партиями (которые, казалось бы, более всего заинтересованы в увеличении количества думских мандатов), а в первую очередь беспартийными активистами. Для мобилизации сторонников использовались виртуальные группы в социальных сетях. В ходе митингов сложился стихийный союз левых, либералов и русских этнонационалистов. В силу этого общую идейно-политическую ориентацию участников протестов можно назвать общедемократической – в них участвовали люди разных политических взглядов, в том числе не идентифицирующие себя ни с какими политическими партиями и движениями, а лишь воодушевленные общегражданской идеей.

Согласно опросу Левада-центра 16–20 декабря 2011 г., в той или иной мере поддерживали проведение уличных акций протеста против фальсификации выборов 44 % опрошенных, не поддерживали – 41 %, и 15 % затруднились с ответом [4]. Ряд аналитиков и ученых, которых трудно заподозрить в наивности, сочли, что Бирнамский лес двинулся, и дни режима уже сочтены [5]. Но это был лишь первый акт двадцать пятой драмы¹.

На втором этапе развития политического протеста массовые митинги начинают организовывать власти. Вследствие массированного пропагандистского и административного давления уровень поддержки массовых акций протеста начинает снижаться: если в январе 2012 г. протесты поддерживало 43 % опрошенных, то в феврале – 38 %, а в марте – 32 %. В ходе президентской кампании режиму удалось переломить ситуацию в свою пользу: в феврале 2012 г. доля противников протестов впервые за три месяца превысила долю их сторонников: 45 % опрошенных заявили, что «совершенно» или «скорее не поддерживают» массовые протесты [6].

Но победа режима не деморализовала участников массовых протестов. Третий этап характеризовался обострением отношений между российской оппозицией и властью, о чем свидетельствуют эпизоды силовой конфронтации и усиливающееся давление на оппозицию. 6 мая 2012 г., накануне инаугурации В. Путина в Москве прошёл «Народный марш» (также называемый «Марш миллионов») с числом участников от 50 до 100 тысяч, переросший в массовые беспорядки и столкновения с полицией. Ответом на это стал закон о митингах, существенно повышающий штрафы за нарушения правил проведения протестных мероприятий. Последовал и ряд других законов (например, ужесточающие положение НКО, получающих средства из-за рубежа), принятых не просто в спешке, но с истерической скоростью.

На четвертом этапе массовая уличная активность заметно ослабевает. В «Марше миллионов» в Москве 15 сентября 2012 г. приняло участие около 54 тысяч человек [7], в возложении цветов к Соловецкому камню на Лубянской площади 15 декабря 2012 г. – от 700 до 5 тыс. человек, в «Марше против подлецов» 13 января 2013 г. в Москве – около 24,5 тыс. человек [8].

Опросы Левада-центра показывают, что социальная база протеста если и уменьшается, то потом вновь возрастает: в апреле и в июне 2012 г. протесты «определенно» и «скорее поддерживали» 37 % респондентов, в июле – 42 % опрошенных, в августе – 33 %, в сентябре – 39 %, в октябре – 30 % (минимальная доля за весь период с декабря 2011 по декабрь 2012 гг.), но в ноябре – 40 %, в декабре 2012 г. – 36 % [9]. В январе 2013 г. доля тех, кто «под-

¹ У. Шекспир считается автором двадцати трех драм; А. Ахматова в стихотворении «Лондонцам» (1940) писала, что время «бесстрастной рукой» пишет «двадцать четвертую драму Шекспира».

держивает» и скорее поддерживает» массовые протесты, вновь выросла, приблизившись к значениям «горячей зимы» 2011/2012 гг.: «скорее поддерживают» и «определенно поддерживают» протесты – 41 %, в то же время «скорее не поддерживают» и «совершенно не поддерживают» – 36 % [10].

Таким образом, властям удалось приостановить расширение массовых протестов, но не удалось существенно сократить численность их сторонников. Таким образом, протест как бы «завис». Ситуация выглядит еще более парадоксальной, если учитывать, что это происходит на фоне явного снижения уличной активности. Используя военные аналогии (поскольку политика сродни войне), можно сказать, что армия готова сражаться и дальше, а комсостав либо проникся пораженческими настроениями, либо не может выработать какого-нибудь внятного стратегического плана. Впрочем, такому комсоставу армия может и не доверять.

Как было показано К. Роговым, тот «страшный консервативный крен», который продемонстрировал Кремль в 2012 г. (и который продолжается и в 2013 г. – вспомним появление В. Путина на собрании «родительской общественности» во главе с С. Кургиняном), и пораженческие настроения лидеров общественного протеста – явления взаимосвязанные [11].

Для того, чтобы легитимизировать свое правление, В. Путину нужно было восстановить большинство, утраченное в 2011 г., когда наиболее модернизированные группы («образованные горожане») отказались от поддержки В. Путина и «Единой России» и составили социальную базу протеста. Восстановить большинство (или создать видимость его наличия) В. Путин мог, лишь сдвинувшись от условного политического «центра» резко «вправо» – в сторону групп, более бедных в материальном отношении и настроенных более консервативно и традиционалистски. Поэтому вместо повестки дня, предложенной в свое время Д. Медведевым и рассчитанной на более образованных и молодых («модернизация») была предложена повестка дня, актуализирующая такие вопросы, как отношение к религиозным ценностям (дело «Pussy Riot») [см.: 12; 13; 14], гомосексуализму [см.: 15] (запрет пропаганды гомосексуализма среди несовершеннолетних), антиамериканизм (прекращение усыновления российских сирот гражданами США [см.: 16]). Кроме формирования нового консервативного большинства, эта повестка дня попутно была, по-видимому, направлена и на решение других задач: изменение предложенной оппозицией повестки дня, и раскол оппозиции (ибо традиционные левые и русские этнонационалисты скорее склонны поддерживать традиционные ценности, а «новые левые» и либералы – против).

Как верно заметил К. Рогов, власть могла добиться успеха, хотя этот успех имеет частичный характер: «успех был в том, что сами протестующие не сумели настоять на своей повестке, пошли на поводу у навязанной им повестки и сами ощущали себя как маргинализирующуюся группу, отделяющуюся от большинства». Но хотя «удалось создать у этой группы ощущение, что они меньшинство, а есть некое консолидированное большинство, но не удалось добиться этого большинства в реальности [11]. Об этом свидетельствует, в частности, продолжающееся, хотя замедлившееся, снижение рейтингов Путина. «Если мы посмотрим на путинский рейтинг на протяжении 2010 года, то движение очень плавное и изменения от месяца к месяцу очень незначительные. А здесь мы видели эти пилообразные изменения, причём не только в рейтинге, они прослеживаются в отношении к протестам тоже. На мой взгляд, это свидетельствует о том, что пропагандистская машина имеет мобилизационное влияние, но очень краткосрочное, она не справляется с созданием устойчивого тренда. Она оказывает влияние на представление людей – а затем идёт откат» [11].

Наконец, как отмечалось выше, поддержка политических протестов сейчас, в начале 2013 г., находится ровно на том же уровне, что и была в самом начале протестов, в декабре 2011 г. Исследования января 2013 г. позволяют утверждать, что «общее сокращение численности участников оппозиционных акций произошло, скорее всего, за счет вымывания из

протестного движения тех, кто оказался на первых митингах случайно, из интереса, попал под действие общей взбудораженности зимы 2011/2012 года (а таких было немало). Напротив, ядро активных противников политического режима увеличилось, а также выросла его активность» [17].

Таким образом, массовое движение политического протеста, приостановившееся в 2012 г., в любой момент может вспыхнуть вновь. Что послужит «спусковым крючком», сказать сложно. Это может оказаться какой-то очередной коррупционный скандал («ожерелье королевы»), аресты лидеров оппозиции или же неспособность власти поддерживать прежние темпы роста доходов и прежний уровень жизни населения. Как отмечалось Г. Хейлом, в тех странах, где режим не допускает на выборах никакой неопределенности, целенаправленно отфильтровывая кандидатов и сводя к минимуму влияние общественного мнения, критические моменты, способные вызвать крушение режима, возникают реже и реже, но при этом они становятся всё более непредсказуемыми и могут взорвать ситуацию в любой момент [18, 38]. И, конечно, успех демократического процесса зависит от того, насколько лидеры оппозиции смогут перехватить инициативу у правящей элиты и предложить внятную общенациональную повестку дня, которая бы не раскалывала народ, а напротив, способствовала консолидации. Вместо вымученных и неактуальных вопросов, таких, как гомосексуализм, оскорбление религии, антиамериканизм повестку дня должны составить вопросы справедливого распределения благ от экономического роста, справедливого распределения политической власти, создания независимого суда, сокращения коррупции, улучшения работы полиции. Тот, кто сможет сконцентрировать позитивный ответ на эти вызовы российской действительности в один лозунг-мем (подобно тому, как А. Навальный сконцентрировал в один лозунг-мем негативную повестку дня осенью 2011 г., нанеся «Единой России» невосполнимый моральный ущерб), победит.

Список литературы

1. Stepan A. On the Tasks of a Democratic Opposition / The Global Resurgence of Democracy. – Baltimore & London: John Hopkins UP, 1993. – P. 61-69.
2. Хантингтон С. Третья волна. Демократизация в конце XX в. – М.: РОССПЭН, 2003. – 368 с.
3. Дмитриев М. Политический кризис в России и возможные механизмы его развития / М. Дмитриев, С. Белановский // <http://www.polit.ru/institutes/2011/03/28/2011.html>.
4. Россияне об акциях протеста и прошедших выборах // <http://www.levada.ru/28-12-2011/rossiane-ob-aksiyakh-protesta-i-proshedshikh-vyborakh>.
5. Aron L. Putin Is Already Dead // http://www.foreignpolicy.com/articles/2012/02/07/putin_is_already_dead.
6. Действия власти в отношении оппозиции и протестные настроения // <http://www.levada.ru/28-08-2012/deistviya-vlasti-v-otnoshenii-oppozitsii-i-protestnye-nastroeniya>.
7. Сколько было участников шествия – оценило «компьютерное зрение» // http://tvrain.ru/articles/skolko_bylo_uchastnikov_shestviya_otsenilo_kompjuternoe_zrenie-330438.
8. Теория математика Каца совпала с подсчетами Терновского: #маршпротивподлецов посетили 24,5 тысячи человек // http://tvrain.ru/articles/teorija_matematika_katsa_sovpala_s_podschetami_ternovskogo_marshprotivpodletsov_posetili_245_tysjachi_chelovek-335228.
9. Протестная активность россиян, процесс по делу на Болотной площади // <http://www.levada.ru/27-12-2012/protestnaya-aktivnost-rossiyan-protsess-po-delu-na-bolotnoi-ploshchadi>.

10. Поддержка митингов и желание участвовать в них растут // <http://www.levada.ru/29-01-2013/podderzhka-mitingov-i-zhelanie-uchastvovat-v-nikh-rastut>.
11. Итоги года: кризис, реакция или новое равновесие? // <http://club.gaidarfund.ru/articles/1604>.
12. Россияне о деле Pussy Riot // <http://www.levada.ru/31-07-2012/rossiyane-o-dele-pussy-riot>.
13. Третью россиян верит в честный суд над Pussy Riot // <http://www.levada.ru/17-08-2012/tret-rossiyan-verit-v-chestnyi-sud-nad-pussy-riot>.
14. Наказание участницам группы Pussy Riot треть россиян сочла адекватным // <http://www.levada.ru/02-10-2012/nakazanie-uchastnitsam-gruppy-pussy-riot-tret-rossiyan-sochla-adekvatnym>.
15. Отказ от своих детей, самоубийство и гомосексуализм морально неприемлемо для большей части россиян // <http://www.levada.ru/14-09-2012/otkaz-ot-svoikh-detei-samoubiistvo-i-gomoseksualizm-moralnonepriemlemo-dlya-bolshei-chas>.
16. Т. Ворожейкина: отношение россиян к принятому «закону Димы Яковлева» // <http://www.levada.ru/30-01-2013/t-vorozheikina-otnoshenie-rossiyan-k-prinyatomu-zakonu-dimy-yakovleva>.
17. Волков Д. Исследование: кто те, кто против Путина? // <http://www.forbes.ru/mneniya-column/protesty/233981-antimagnitskii-zakon-statistika-protesta>.
18. Хейл Г. Динамика правящего режима в России // Pro et Contra. – 2012. – № 4-5. – Июль-октябрь – С. 33-53.

Социальная напряженность и конфликты в Уральском регионе

И. А. Кох

Уральский институт Российской академии народного хозяйства и государственной службы, г. Екатеринбург

Социальная напряженность и конфликты существуют в любом обществе, различаются только причины, степень остроты и другие признаки. Постоянно развивающиеся и возрастающие потребности людей, с одной стороны, и относительное сокращение ресурсов для их удовлетворения, с другой стороны, являются объективной основой для социальной напряженности в обществе. Конфликт власти и населения изначально заложен в самом характере их взаимоотношений. Законодательные меры способны регулировать конфликты, однако социальная напряженность может изменяться в широких пределах от низкого уровня до резкого обострения не только в результате управленческих решений и действий органов власти, но и рокового стечения объективных обстоятельств. А в эпоху перемен, реформ, связанных со структурной трансформацией общества, социальная напряженность неизбежна.

Население всегда ожидает от органов власти удовлетворения своих потребностей. Местные органы власти в первую очередь для этого и созданы. Как известно, население очень часто критически оценивает работу местных органов власти. Разумеется, далеко не всегда решение проблем людей зависит от местных органов власти. Напряженный или дефицитный бюджет муниципального образования сегодня не редкость. Однако неоднозначность и острота социальных проблем в различных муниципальных образованиях показывают, что имеют место и субъективные причины возникновения или обострения с социальной напряженности.

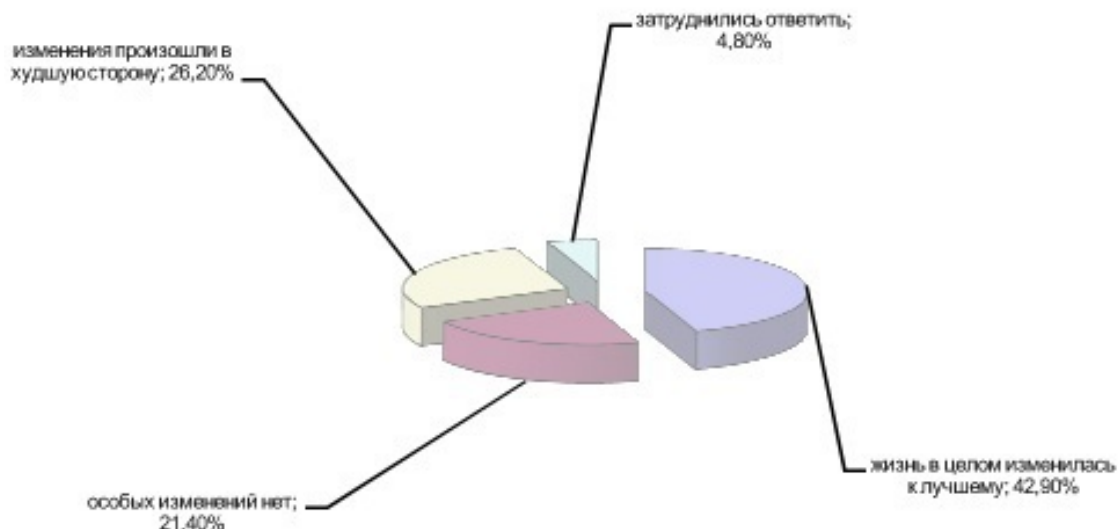
Изучению социальной напряженности и конфликтов между населением и органами власти было посвящено исследование 2009 – 2011 годов, выполненное сочетанием трех взаимосвязанных социологических методов: анализа всероссийской и региональной статистики, массового анкетного опроса-интервью, экспертного опроса. Объектом массового опроса явилось население Свердловской области. Выборка районированная, многоступенчатая, репрезентативная по половозрастной структуре жителей основных типов поселений – города и села, по уровню образования и роду занятий (профессий) населения. Всего опрошено 1004 человека. Опрос населения проводился методом интервью по месту жительства или месту работы. В качестве исходной базы для качественного анализа представлены мнения 42 экспертов, по роду своей деятельности представляющих различные сферы общества.

Помимо широкого круга вопросов социокультурного характера нас также интересовала оценка населения и экспертов по различным направлениям работы органов государственного и муниципального управления, оценка социальной напряженности в регионе, а также возможные формы социального протеста населения.

С оценками деятельности органов власти, данными населением, во многом совпадают оценки экспертов. Результаты экспертного опроса показали неоднозначность мнений по поводу перемен, происходящих в обществе. Эксперты дали в целом положительную оценку переменам, произошедшим в последнее время в регионе, однако при этом отмечают замедление развития в последнее время (см. диаграмму 1).

Диаграмма 1

Суждения о переменных в регионе

Интересно отметить, что о переменах в собственном городе эксперты высказались более сдержанно: только одна треть опрошенных отмечают перемены к лучшему, а 60 % считают, что положение не изменилось. При этом ухудшение ситуации отмечают лишь 2,5 % экспертов.

Для экономической и политической стабильности в обществе необходим определенный уровень удовлетворения потребностей населения, на что обращал внимание еще Талкотт Парсонс в 30-х гг. XX в. Изучая факторы стабильного развития общества, он выделил это условие в качестве первоочередного из трех важнейших. Социальная напряженность возникает вследствие неудовлетворенности потребностей населения в жизненно необходимых услугах, которые и призваны предоставлять местные органы власти. К их числу относятся, прежде всего, жилье и жилищно-коммунальные услуги, снабжение продуктами и товарами первой необходимости, бытовое обслуживание, холодное и горячее водоснабжение, общественный транспорт и другие. Неудовлетворительная организация предоставления этих услуг порождает недоверие населения к органам власти, особенно к местной администрации.

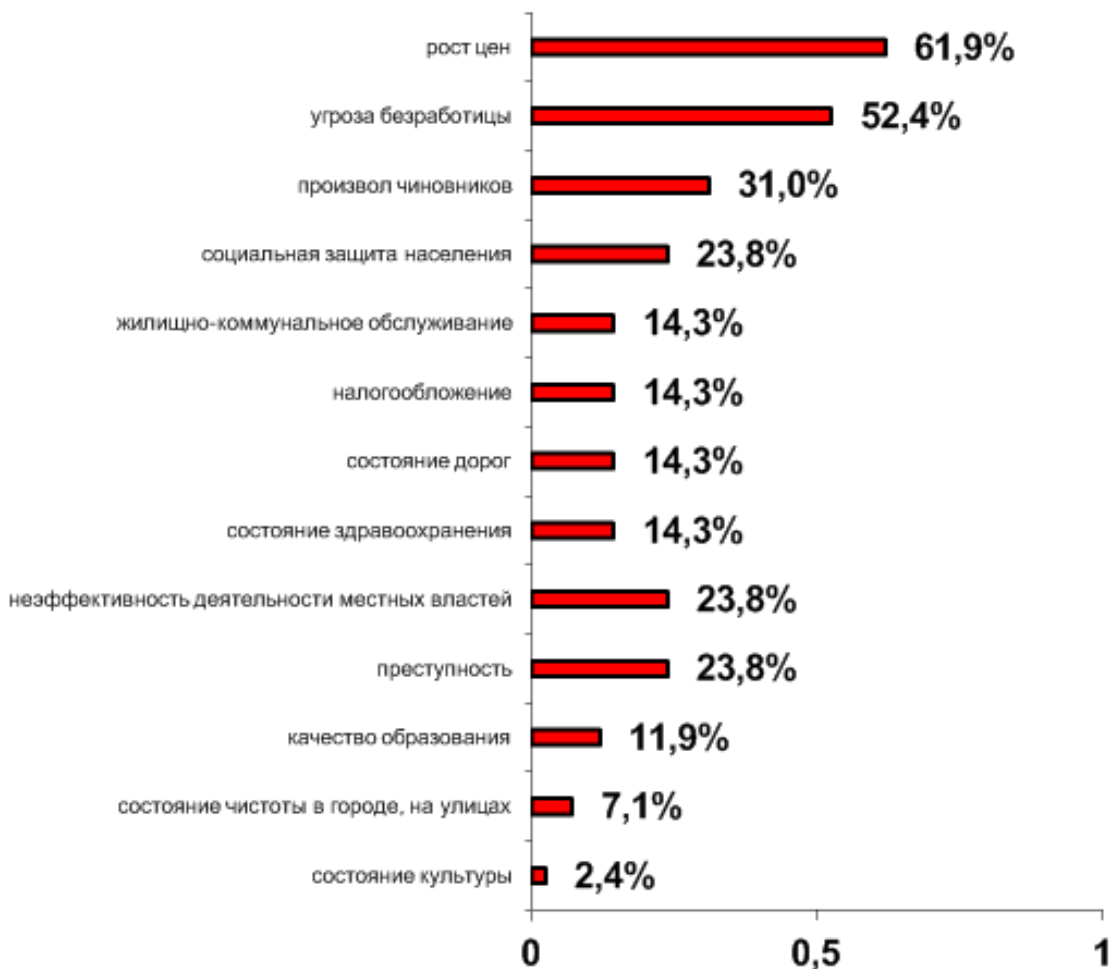
Социальная напряженность не является прямым показателем эффективности местного самоуправления, поскольку она может быть вызвана не только действиями местных органов власти, но и другими факторами: от случайного стечения обстоятельств до реакции на решения центральных органов управления. Однако от содержания и характера деятельности муниципальной администрации непосредственно зависит жизнедеятельность местного сообщества, удовлетворение потребностей населения в социально значимых услугах.

Практика показывает, что в тех муниципальных образованиях, где органы местного самоуправления обеспечивают стабильное развитие и функционирование территориальной организации, социальной напряженности, как правило, нет. Это не исключает возможности возникновения отдельных конфликтов, для решения которых имеются соответствующие средства и методы. Наоборот, в тех муниципальных образованиях, где органы местного самоуправления в силу тех или иных причин не способны обеспечить нормальные условия жизнедеятельности для населения, возникает социальная напряженность.

В настоящее время население в уральских городах волнуют многие проблемы, которые можно рассматривать в качестве факторов социальной напряженности. Мнения экспертов по этому вопросу представлены на диаграмме 2.

Диаграмма 2

ФАКТОРЫ СОЦИАЛЬНОЙ НАПРЯЖЕННОСТИ

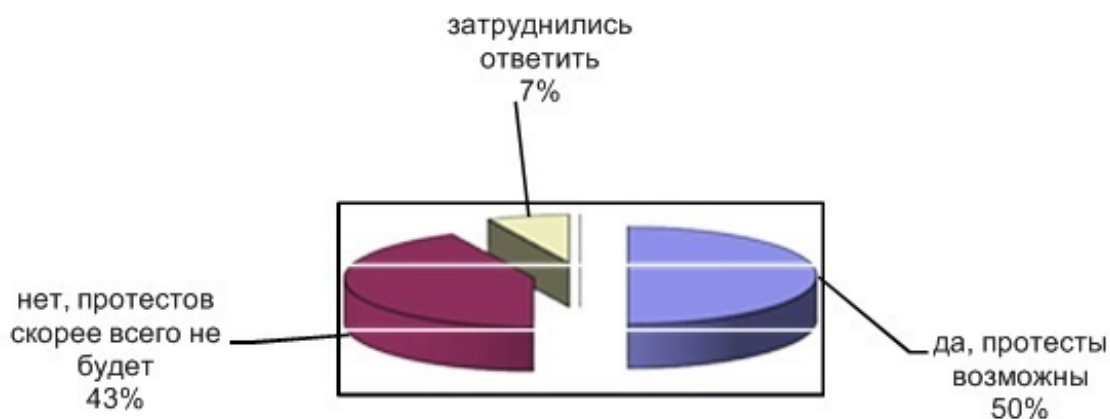
Полученные результаты показывают, что, по мнению экспертов, первостепенной проблемой для населения является рост цен (61,9 % опрошенных) и, как следствие, снижение уровня жизни большинства населения. Эта проблема тревожит большинство населения, причем по важности она с большим отрывом стоит на первом месте. Вторая по важности проблема – угроза безработицы, на что указали 52,4 % экспертов. Эксперты также отметили, что население беспокоит произвол чиновников (31 %) и недостаточная социальная защита населения (23,8 %).

Таким образом, по мнению экспертов, больше всего население тревожит рост цен, угроза безработицы, произвол чиновников и социальная защита населения. Их актуальность обусловлена общим социально-экономическим состоянием страны и Свердловской области.

Высокая социальная напряженность в обществе – следствие реформ и экономических кризисов – способствует росту протестных настроений в обществе. Время от времени в обществе возникают стихийные митинги, которые иногда принимают острый характер. Насколько реальны массовые протесты населения в регионе? По мнению опрошенных, протесты населения возможны, однако их фактическая реальность маловероятна (см. диаграмму 3).

Диаграмма 3

Возможность протестов населения

Хотя половина опрошенных экспертов допускают возможность массовых протестов, можно отметить достаточно сдержанную позицию населения по этому вопросу. Косвенно это подтверждает также и то, что среди приемлемых способов выражения протеста против власти население отдает предпочтение пассивным формам.

Основные формы протеста населения по результатам опроса являются следующие (см. таблицу 1).

Таблица 1.

Возможные формы протестов населения

Формы протестов	Кол-во	В % к числу опрошенных	В % к числу ответивших
Письма, телеграммы протеста в средства массовой информации	24	57,1	70,6
Демонстрации и митинги протеста	13	31,0	38,2
Критические выступления на собраниях, сходах	10	23,8	29,4
Забастовка	3	7,1	8,8
Участие в вооруженных выступлениях в защиту своих интересов	0	0,0	0,0

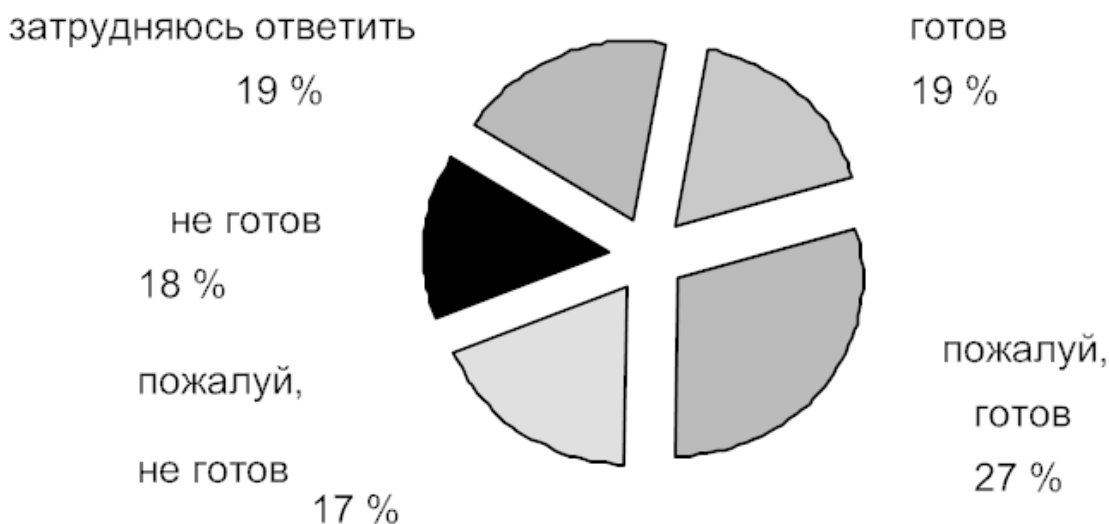
Как видим, основным способом выражения недовольства 57 % опрошенных считают написание писем и телеграмм в средства массовой информации. Около трети полагают, что население может решиться на демонстрации и митинги протеста. Менее всего население готово к забастовкам, а участие в вооруженных выступлениях не допускает никто. Примерно такие же результаты в среднем были получены в процессе массовых опросов общественного мнения в регионе различными социологическими службами.

В Свердловской области 47,5 % опрошенных граждан выразили готовность принять участие в акциях протеста против снижения уровня и качества жизни, прав и свобод человека (показано на диаграмме 4). Тем не менее, каждый третий не готов к участию в подобных мероприятиях. Примечательно, что в некоторых городах (Краснотурьинск и Полевской) число готовых принять участие в акциях протеста на 10 % больше, чем в целом по области, что указывает на повышенный фон социальной напряженности в этих городах.

Исходя из проведенного ранее анализа можно констатировать наличие множества нерешенных проблем. Как показали наши исследования, одной из причин социальной напряженности в регионе является низкий уровень доверия населения к органам власти. Два десятилетия противоречивых реформ, снижение уровня жизни против ожидавшегося подъема, противоречивость в преобразованиях социальной сферы, прежде всего в образовании и здравоохранении, закономерно привели к такому результату.

Диаграмма 4

Протестные настроения жителей Свердловской области

Недостаточный интерес к повседневным нуждам людей, низкая оперативность в работе, невнимательность к жителям – вот ключевые факторы, порой создающие предпосылки для роста социальной напряженности и конфликтов между населением и органами государственного и муниципального управления. Недостаточно развитое чувство долга по отношению к своим обязанностям, низкая ответственность отдельных служащих за результаты своей деятельности, как отмечают опрошенные жители региона, приводят к снижению эффективности работы всей администрации, к росту социальной напряженности.

Список литературы

1. Заславская Т. И. Социетальная трансформация российского общества: деятельностно-структурная концепция. – М.: Дело, 2003. – 568 с.
2. Регионы России. Социально-экономические показатели. – М., 2009, 2011.
3. Социокультурная динамика регионов в условиях финансово-экономического кризиса. Материалы VI Всероссийской науч. – практич. конф. – Ульяновск, 2010. – 384 с. экономического кризиса. Материалы VI Всероссийской науч. – практич. конф. – Ульяновск, 2010. – 384 с.

4. Социокультурные проблемы развития регионов России в условиях кризиса: мат-лы Тюменского социологического форума 15-16 октября 2009 г. / под ред. М. М. Акулич и др. – Тюмень, 2009. – 238 с.

Системный подход и синергетика (теория самоорганизации) в конфликтологии социальной работы

*Шалаев В.П.,
ПГТУ, г. Йошкар-Ола*

Рассмотрим некоторые из основных понятий системного и синергетического видения мира, а также их социальные смыслы и потенциалы в конфликтологии социальной работы. Под конфликтологией социальной работы мы понимаем конфликтологическое измерение социальной работы, все то что совокупно связано в социальной работе с темой и проблемами конфликта. Под системным подходом понимают оригинальный научный подход описания и понимания реальности, основанный на определенной совокупности понятий, законов и принципов, непосредственным образом опирающихся на общее понятие системы и системности, через призму которых описываются феномен мира, его структура и процессы. Среди ключевых понятий системного подхода выделяют понятия системы, системности, структуры, целого, функций, связей, элементов, развития, прогресса и регресса, открытых и закрытых систем и т.д. В своих модификациях он известен также как текстология А. Богданова (всеобщая организационная наука), структурно-функциональный подход (Т. Парсонс), системный анализ, общая теория систем (Л. фон Берталанфи), кибернетика (Н. Винер, У. Эшби) и т.д., широко использующихся во многих социально-гуманитарных науках (социологии, психологии, истории, политологии, философии, экономике, менеджменте и т.д.).

Специально не останавливаясь на всех этих понятиях, опишем некоторые наиболее существенные из них в направлении интересующего нас предмета социальных смыслов системного подхода. Под системой в общем научном смысле понимается устойчивая совокупность частей какого-либо целого. В этом смысле принципиальным является именно понятие устойчивой совокупности. Системой является лишь то явление или процесс, которое способно себя сохранять в меняющихся условиях. В наибольшей степени под это определение попадают именно социальные системы, основой которых выступает человек как субъект, носитель разума, деятельности и творчества.

Видение мира как устойчивой в своих внутренних связях и отношениях динамичной системы – центральный образ системного подхода. Другими его ключевыми образами выступают открытые и закрытые системы. Открытыми являются системы, существование которых основано на активных взаимобратных связях с внешней средой. К ним, прежде всего, относятся социальные системы (индивид, семья, социальная группа, общество в целом). Наоборот закрытыми называются системы, приоритетом существования которых является опора на собственные ресурсы и собственные силы, недооценивающие в своем развитии роли внешней среды. И хотя в чистом виде открытых и закрытых систем не существуют (все системы, в том числе социальные, в той или иной степени, в том или ином отношении являются открытыми и закрытыми), тем не менее, говоря о доминирующих тенденциях открытости и закрытости в жизни той или иной системы, в социальной науке и принято употреблять эти понятия.

Особую роль в поддержании и развитии социальной системы имеют обратные связи. Человек как разумное существо не способен к развитию как личность без социализирующего воздействия разумно организованной социальной среды, но и без возвращения в эту среду в качестве творческих актов самореализации своей разумно организованной энергии. Иными словами, человек как полноценное социальное существо способен существовать

лишь посредством обратных связей. Получая от общества культурные и цивилизационные ценности, он в дальнейшем стремится к самореализации накопленного и переработанного в нем личностного потенциала.

Широкое распространение в социальной науке получило понятие целостности, функции и дисфункции социальной системы. Система является целостной, если все ее внутренние части соединены друг с другом таким образом, что дополняют существование друг друга выполняемыми ими функциями. Иными словами, целостная система – это внутренне тесно взаимосвязанная система. В том случае, если какая-либо функция, какой-либо части системы дает сбой, испытывает отклонение или не в полной мере реализует себя, то эта дисфункция сказывается на жизнедеятельности всех прочих частей и функций и, в конечном счете, на жизнедеятельности системы в целом. Взаимосвязь целого и частей впервые в научной форме была рассмотрена в теориях органицизма английских философов и социологов Т.Гоббса, а затем Г.Спенсера.

Социальные смыслы этих и других понятий системного подхода особую значимость приобретают при их использовании в ходе исследования и понимания социальных проблем. Как правило, всякая социальная проблема рождается в ситуации разрушения обратных связей человека с окружающей социальной средой и, как правило, при утрате этим человеком своего места и роли в этой среде (через выполнение определенных общественно признаваемых функций), с точки зрения его самореализации как личности.

Весьма существенные возможности в понимании и врачевании социальных проблем несет с собой в социальной деятельности синергетический подход (И.Пригожин, В.И. Аршинов, Д.С. Чернавский, Н.Н. Моисеев, Г.Г. Малинецкий, В.С.Степин и др.). Синергетика как теория самоорганизации систем различной природы, в том числе социальных, своими главными понятиями имеет (с учетом уже рассмотренных в рамках системного подхода) понятия системы, открытых и закрытых систем, самоорганизации, бифуркации, саморазвития, соуправления, малой флуктуации и др. Ключевыми, отражающими дух синергетики, выступают понятия самоорганизации и саморазвития.

Самоорганизация рассматривается как процесс повышения уровня организации системы (т.е. снижение степени статистической вероятности в функционировании системы), например социальной системы (отдельной личности и др.) за счет использования ею внешней и внутренней энергии и информации на самостоятельной основе. Самоорганизация характеризует способность систем достигать в неблагоприятной среде существования нового порядка (новой формы организованности), нового гомеостаза (равновесия) с ней за счет способности к внутренним изменениям (приобретение новых свойств, функций, элементов), позволяющих ей прийти к новой форме гомеостаза со средой. Как правило, процесс этот является переходом системы из одного стабильного состояния (порядка) к другому стабильному состоянию (порядку), через состояние неустойчивости, повышенной чувствительности к внешним и внутренним воздействиям и флуктуациям, через состояние хаоса, высшая точка которого – бифуркация.

Саморазвитие – характеристика способности систем различной природы к развитию, т.е. качественному изменению, в меняющихся условиях внешней среды существования. Саморазвитие свойственно, прежде всего, системам биологической и социальной природы, в основе существования которых находится способность к внутренней самоорганизации, т.е. к внутренним изменениям в сторону сохранения гомеостаза (равновесия) с внешней средой, в условиях, когда эта среда непрерывно меняется или сохраняется, но выступает в качестве вызова для сохранения системой своего стабильного положения (статуса) в этой среде.

Итак, саморазвитие – это способность систем не просто к сохранению и восстановлению (самодостраиванию) имеющихся состояний по какому-либо образцу (генетическому, социальному и т.д.), но это способность их к созданию новых элементов, связей и отноше-

ний, характеризующих эти системы как способные к принципиальным внутренним изменениям в направлении большей сложности, а тем самым к адекватному ответу на вызовы среды. Обретая себя в форме более высокого уровня сложности своей структуры (единство элементов и их связей), эти ответы обретают себя в форме движения испытывающей вызов среды системы в сторону нового, более сложного качества (формы) своего существования, характеризуя систему как способную к прогрессивному развитию.

Другим важным понятием синергетики выступает аттрактор, под которым понимается «точка роста», «точка притяжения», «скрытое генеральное направление развития» системы. По образному выражению, аттрактор – это точка притяжения путей развития системы, времяящая пространство ее пребывания, т.е. это точка, задающая структурность, направленность процессов развития этой системы в этом пространстве. В социальном смысле, это, например, организовавшая общество или личность программа действий, являющаяся основой их устойчивости и развития.

Важные социальные смыслы несет в себе и понятие бифуркации, обозначающее состояние системы, вблизи которой (в рамках которой) перестает действовать закон больших чисел, где небольшая флуктуация (малое отклонение, малое воздействие) может послужить началом эволюции системы в совершенно ином направлении, чем ранее. Бифуркация – состояние принципиальной неопределенности путей дальнейшего развития системы, представленное точкой ветвления (расхождения) ее дальнейшей эволюции. Бифуркация – это необходимый этап в развитии всякой открытой системы и в то же время закон развития всякой открытой системы. Бифуркации соответствует этап развития системы, когда в ней в принципиально неустойчивом равновесии сформировались и противостоят друг другу две или более борющихся подсистем и тенденций развития. Состояние бифуркации наиболее удачно с точки зрения управления системой, когда незначительные по силе воздействия способны привести к решающим (глобальным) изменениям на макро – и мегауровнях ее существования. Эти воздействия принято называть акупунктурными, то есть точечными воздействиями, направленными в соответствии с определенной целью и пониманием, расчетом планируемых последствий.

Владение этими и другими понятиями синергетики в ее социальном измерении способно стать важным условием адекватной профессиональной деятельности как в вопросах понимания сути проблем, так и их причин и путей социального врачевания, в том числе конфликтогенных ситуаций и процессов. Одним из наиболее существенных здесь, как уже отмечалось, является понятие самоорганизации, с которым связан важнейший принцип успешной социальной деятельности.

Опираясь на внутренние, присущие жизненные силы клиента как личности, содействуя их возбуждению и укреплению на путях борьбы с социальным недугом, то есть на путях социальной самоорганизации клиента – таков главный из принципов и главная из задач адекватной, научно осмысленной социальной деятельности.

С этим связано и понятие социальной работы как самоорганизующейся, творческой деятельности.

Во-первых, социальная работа может пониматься как важнейший фактор социальной самоорганизации общества в целом, направленной на врачевание социальных болезней, угрожающих психофизическому, моральному, экономическому и т.д. здоровью членов общества.

Во-вторых, социальная работа как особый вид профессиональной деятельности, не может не совершенствоваться и не стремиться к творческому саморазвитию в своих подходах, методах, в достижении возложенных на нее социально значимых целей и задач. А значит, она не может не быть самоорганизующейся системой, способной на быстрое и адекватное реагирование на любые изменения социальной среды и ее кризисных объектов.

В-третьих, социальная работа не может не стремиться быть самоорганизующейся и творческой системой, будучи особым социальным институтом общества. Как социальный институт, представленный единством научных, учебных, профессиональных форм деятельности, социальная работа не может не быть саморазвивающейся системой во всех секторах своей деятельности. Развитие одного из этих секторов с неизбежностью влияет на развитие других и, наоборот, стагнация, консервация в развитии одного из этих секторов неизбежно негативно влияет на все прочие, а значит и на общую ситуацию с реализацией стоящих перед социальной работой общественно значимых целей.

В-четвертых, социальная работа не может не учитывать самоорганизующуюся природу своих клиентов как социальных субъектов, способных к творческому саморазвитию на основе вложенной в них от рождения разумной природы.

В любом случае, как мы видим, феномен самоорганизации может быть рассмотрен как ключевой принцип социальной работы и конфликтологии социальной работы с точки зрения ее целей и задач, и с точки зрения ее места и роли в обществе. В этом смысле представляется правомочным говорить о системных и синергетических практиках в социальной работе, в том числе и в области проблематики конфликта, понимая под этим привлечение всего потенциала синергетического и системного знания в области понимания сущности, причин, тенденций, форм и путей преодоления социальных болезней как предмета социальной деятельности.

Список литературы

1. Шалаев В.П. Актуальная синергетика: человек и общество в эпоху глобальных трансформаций. – Йошкар-Ола: ПГТУ, 2013. – 184 с.

Конфликт по вопросу репатриации сирийских черкесов на российский Кавказ: информационный аспект

Баранов А.В.

Кубанский государственный университет, г. Краснодар

Актуальность темы в том, что по мере эскалации военно-политического конфликта в Сирии проблема репатриации черкесов (потомков адыгов, выселенных или добровольно эмигрировавших с Кавказа во второй половине XIX в.) становится одной из важнейших тем информационного противоборства в республиках Северо-Западного Кавказа. Этнополитические организации региона и адыгской диаспоры все более настойчиво требуют от органов государственной власти Российской Федерации обеспечить репатриацию сирийских черкесов. Цель работы – выяснить способы аргументации и стратегии активности в информационном пространстве акторов конфликта: органов государственной власти и оппозиционных движений.

Требование репатриации выдвигается этнополитическими организациями с 1989 г. Называются завышенные цифры черкесской диаспоры – от 3 до 7 млн. чел [1]. Из них в Сирии проживали 32-150 тыс. черкесов. Контраст оценок связан с тем, что черкесами называют потомков всех выходцев с Кавказа [2]. Желание вернуться на Северный Кавказ лидеры черкесских объединений Сирии высказывали и до конфликта, но только гражданская война 2011-2013 гг. поставила вопрос репатриации в практическую плоскость, стимулировала скоординированные акции в республиках Северного Кавказа и за рубежом. В начале декабря 2011 г. отмечены первые обращения сирийских черкесов и общественных организаций Адыгеи, КарачаевоЧеркесии и Кабардино-Балкарии к Президенту Российской Федерации о репатриации [3]. В январе 2012 г. делегация черкесской диаспоры Сирии обратилась к президентам республик Северо-Западного Кавказа с просьбой оказать содействие в репатриации [2].

Данные обращения получили осторожную поддержку президентов и законодательных органов республик Северного Кавказа. Позиция региональных органов власти – в подчеркивании мотивов спасения жертв военно-политического конфликта, оказания медицинской и экономической поддержки. Считается, что репатриация черкесских семей возможна на основе их личных заявлений и в рамках квот приема переселенцев, установленных федеральным законодательством [4]. Обращения к Президенту РФ, Председателю Государственной Думы РФ, Председателю Совета Федерации РФ о содействии добровольному переселению сирийских адыгов приняты законодательными органами республик Адыгея, Кабардино-Балкария и Карачаево-Черкесия. Правовой базой репатриации назван федеральный закон № 179-ФЗ «О государственной политике Российской Федерации в отношении соотечественников за рубежом». К категории «соотечественник» относятся «лица, проживающие за пределами территории РФ и относящиеся, как правило, к народам, исторически проживающим на территории РФ, а также лица, чьи родственники по прямой восходящей линии ранее проживали на территории РФ, сделавшие свободный выбор в пользу духовной, культурной и правовой связи с РФ» [5]. В основу принадлежности положен принцип самоидентификации, подкрепленный общественной, профессиональной деятельностью «либо иными свидетельствами свободного выбора» в пользу России.

Федеральные органы власти России активизировали диалог с диаспорой в Сирии, элитами республик Северо-Западного Кавказа и общественностью. В республиках созданы комиссии по координации работы по поддержке соотечественников. Созданы адаптацион-

ные центры для репатриантов. Они занимаются вопросами правовой поддержки, помощью в трудоустройстве и бесплатном изучении русского языка [6]. Так, весной 2012 г. делегация Совета Федерации РФ под руководством сенатора от Кабардино-Балкарии А. Кажарова посетила Сирию для изучения положения черкесской общины [7]. По сведениям Председателя Комитета РА по делам национальностей, связям с соотечественниками и СМИ А. Шахлахова, на 14 декабря 2012 г. в Адыгее находятся 263 репатриант, а также 55 студентов – сирийских черкесов. Обратились за разрешением на временное проживание 242 репатрианта (на 16 ноября 2012 г.). За 2012 г. в Адыгее зарегистрировано с правом временного проживания без визы 1179 чел., прибывших из Сирии. Часть из них уже переехала в другие регионы страны [4]. Репатриантам оказывается благотворительная помощь общественными фондами и гражданами.

Вместе с тем, репатриация сталкивается с многочисленными трудностями. Так, директор центра адаптации репатриантов РА А. Гучетль отметил в интервью агентству «Кавказский узел», что лишь 25 % репатриантов к декабрю 2012 г. трудоустроены. 36,5 % репатриантов имеют временную регистрацию, а без нее трудоустроиться невозможно. Большинство обратившихся в центр адаптации за помощью имеет высшее образование, желая работать преподавателями английского языка или переводчиками, но таких вакансий нет. Из-за незнания русского языка устроить репатриантов на работу трудно. Поэтому чаще всего репатриантам предлагают рабочие специальности. Большинство репатриантов (83 %) желает поселиться в г. Майкопе, рассчитывает на высокие доходы, чего добиться в короткие сроки невозможно [8]. Т.е., даже небольшой поток переселенцев не может рассчитывать на сохранение статуса. Ресурсы региональных государственных и общественных структур по оказанию помощи ограничены.

Рассмотрим аргументацию позиций этнополитических движений в республиках Северо-Западного Кавказа. Прежде всего, отметим идеологизированность и эмоциональность оценок. Оппозиционные организации призывают к немедленному возвращению черкесов в массовом порядке, жестко увязывают прием репатриантов с «покаянием» России за Кавказскую войну и неприятием Олимпиады [9]. Так, лидер Адыгейского республиканского общественного движения «Черкесский конгресс» М. Берзегов, эмигрировавший в США, еще весной 2009 г. увязывал «реализацию права черкесов на историческую территорию» с созданием условий массовой репатриации [10].

Первые обращения этнополитических организаций к российскому руководству по проблеме сирийских черкесов (декабрь 2011 – начало 2012 гг.) делали акцент на спасении жертв войны, не желающих участвовать в религиозном и этническом конфликте [3]. Когда выяснилось, что быстрой массовой репатриации не будет, организации начали ужесточать риторику. В январе 2012 г. сайт черкесской диаспоры в Турции «Патриоты Черкесии» резко осудил задержания и допросы в Адыгее репатриантов из Турции, незаконно сохранивших двойное гражданство [11]. На съезде организации «Адыгэ Хасэ–Черкесский парламент» 30 июня 2012 г. ее руководитель А. Богус упрекнул Федеральную миграционную службу в том, что репатриации черкесов ставятся препятствия, а переселенцы представлены народами, не очень близкими адыгам «в культурном и ментальном планах» – армянами, узбеками, русскими, азербайджанцами и др. [6].

Старший научный сотрудник Центра цивилизационных и региональных исследований РАН Н. Нефляшева прогнозирует: «Сегодня, похоже, именно эта тема станет главным катализатором протестных настроений и обеспечит рост репутационных рисков для России» [12]. Особое неприятие вызывают требования законодательства РФ к мигрантам о знании русского языка и культуры, о неприменимости двойного гражданства. Вызвало критику поручение Президента РФ в Послании Федеральному Собранию РФ от 12 декабря 2012 г.

вести ускоренный порядок предоставления гражданства носителям русского языка и русской культуры, прямым потомкам рожденных в Российской империи и СССР [13; 14].

Этнополитические организации не ограничиваются активностью в Интернете. С сентября 2012 г. разворачивается скоординированная серия пикетов и сборов подписей в пользу репатриации (Москва, Майкоп, Черкесск, а также зарубежье). Их проводят совместно адыгские и общекавказские движения [15]. Митинг в Москве 2 декабря 2012 г. потребовал организовать срочную эвакуацию граждан России и соотечественников (в т.ч. черкесов) из зоны военных действий в Сирии на территорию России [16]. Наряду с критикой бюрократизма в оказании помощи репатриантам выдвигаются категоричные лозунги массовой эвакуации сирийских черкесов без мер пограничного контроля.

В противодействии эскалации конфликта целесообразно выдвинуть следующие аргументы. В программе по переселению соотечественников обозначены регионы, готовые принять переселенцев ряда профессий и обладающие необходимым числом рабочих мест, инфраструктурой. По программе желающие переехать выбирают место жительства из списка, к которому республики Северного Кавказа и Краснодарский край не относятся. Черкесские же активисты и диаспора настаивают расселиться только на Северо-Западном Кавказе. Некорректно выглядит связь переселения с «покаянием» России за Кавказскую войну и мухаджирство. В России тысячи адыгов живут вне своего традиционного ареала и успешно интегрируются в полиэтническое общество [17].

Возникает вопрос идентификации. В странах Ближнего Востока черкесами называют всех выходцев с Кавказа. Королева Иордании Нур отметила: «международные организации не могут сформировать базу данных по этой группе, так как по прибытии в лагеря черкесы не идентифицируют себя как представители отдельной этнической группы. Поэтому в Международной организации по делам беженцев нет базы данных по черкесским беженцам» [18]. В условиях диаспоры происходила ассимиляция, возникали полиэтнические семьи, менялся язык. Конфликт может вызвать зачисление в репатрианты всех назвавших себя черкесами. Сложно представить, как в условиях войны можно быстро проверить знание адыгских языков, культуры, законопослушность.

Одновременная репатриация 100-150 тыс. черкесов [17] обострит социальные конфликты в северокавказских республиках. Вопреки тезису о нейтральности всех черкесов в сирийском конфликте, Н. Нефляшева приводит примеры перехода влиятельных черкесов на сторону оппозиции [12]. На Северном Кавказе идет затяжная контртеррористическая война, и добавлять новые линии размежеваний общества несвоевременно. Правоохранительные органы РФ обязаны удостовериться в отсутствии среди переселенцев террористов и экстремистов, а не пускать миграцию на самотек.

Многие организации в республиках – «Черкесский конгресс», «Адыгэ Хасэ–Черкесский парламент», ряд сайтов – www.hekupsa.com, www.natpress.com, www.elot.ru, www.shapsugiya.ru, организации диаспоры – «Патриоты Черкесии» используют проблему репатриации не только для дискредитации Олимпиады, но и для изменения этнодемографического баланса, давления на органы федеральной и региональной власти РФ, расширения поддержки этноцентристских движений. Лоббист «черкесского проекта» – Джеймстаунский фонд (США) в лице своего президента Г. Ховарда подталкивает этнополитические организации диаспоры и республик Северного Кавказа к интернационализации требований, называя поведение России в отношении репатриации сирийских черкесов «возмутительным и скандальным» [19]. Но ведь ультиматум немедленно и в массовом порядке принять потомков мухаджиров предъявляется только современной России, которая не отвечает за действия Российской империи, а не Турции, которая подвергала черкесов ассимиляции в 1860-1910-х гг., а сейчас служит базой подготовки интервенции в Сирию; не Израилю, бомбящему черкесские деревни на Голанских высотах; не арабским монархиям – Иордании, Саудовской

Аравии, Катару и др., где обширные диаспоры благополучны. Попытки переложить вину за положение черкесов Сирии на РФ могут вести к ретрансляции этноконфессионального конфликта из Сирии на Северный Кавказ.

Представляется последовательной позиция МИД РФ и Министерства регионального развития РФ, в своих комментариях по проблеме пояснивших, что мухаджиры не являлись подданными Российской империи и не проявляли к ней приверженность [14]. Поэтому их потомки могут обрести российское гражданство на общих законных основаниях, с соблюдением всех установленных процедур в персональном порядке.

Список литературы

1. Бжахо Х. Черкесы ждут «Декларации Бальфура». URL: <http://www.aheku.org/page.php?id=1409> (дата обращения: 25.09.2010).
2. Кушхабиев А.В. Проблемы репатриации черкесской диаспоры Сирии. URL: <http://intercircass.org/?p=1187> (дата обращения: 16.03.2012).
3. Капаева А. «Черкесский конгресс» призвал руководство РФ принять меры по переселению черкесов Сирии в Россию. URL: <http://russia.kavkaz-uzel.ru/articles/197101/> (дата обращения 06.12.2011).
4. Аскер Шхалахов рассказал ИА «Адыгэ Хэкум и макъ. Голос Черкесии» об итогах репатриации сирийских соотечественников в Республику Адыгея в 2012 г. URL: <http://www.hekupsa.com/obzor/publikatsii/1062-asker-shkhalakhov-repatriatsiya-v-adygee-itogi-2012-goda.html> (дата обращения: 15.12.2012).
5. Российская газета. 2010. 27 июля.
6. В Адыгее для репатриантов откроют курсы русского языка. URL: <http://www.kavkaz-uzel.ru/articles/209309/> (дата обращения: 06.07.2012).
7. Сирийские черкесы и проблема репатриации. URL: <http://kchrline.ru/?p=713> (дата обращения 19.09.2012).
8. Чалый О. Служба занятости Майкопа помогает переселенцам из Сирии найти работу, отправляя в центр репатриации своих специалистов. URL: <http://www.kavkaz-uzel.ru/articles/216866/> (дата обращения: 07.12.2012).
9. Кабард А. Черкесская хроника: оптимистическая трагедия. URL: <http://shapsugiya.ru/index.php?newsid=1272> (дата обращения: 02.05.2011).
10. Берзегов М. Мы как народ являемся субъектом международного права, на которое и опираемся. URL: http://kavkaz-news.info/portal/cnid_94390/alias_Caucasus-Info/lang_en/tabid_2434/default.aspx (дата обращения: 25.09.2010).
11. «Патриоты Черкесии: Очернение репатриантов Адыгеи – акция против приема черкесов Сирии. Вниманию черкесского общества! URL: <http://www.natpress.ru/index.php?newsid=7206> (дата обращения: 14.12.2012).
12. Нефляшева Н. Сирийские черкесы и проблема репатриации. URL: <http://kavpolit.com/sirijskie-cherkesy-i-problema-repatriacii> (дата обращения: 16.09.2012).
13. Гукемухов М. Сирийские черкесы не носители русской культуры. URL: <http://www.hekupsa.com/mnenie/intervyu/1056-sirijskie-cherkesy-ne-nositeli-russkoj-kultury.html> (дата обращения: 14.12.2012).
14. Представители черкесских организаций назвали «некорректным» и «неожиданным» ответ МИД РФ на просьбу ускорить эвакуацию соотечественников из Сирии. URL: <http://www.kavkaz-uzel.ru/articles/219562/> (дата обращения: 09.02.2013).
15. Краснов О. Аслан Хурай: власти замалчивают проблему переселения черкесов из Сирии в Россию. URL: <http://www.kavkaz-uzel.ru/articles/213044/> (дата обращения: 23.09.2012).

16. Резолюция митинга в поддержку соотечественников и граждан Российской Федерации в Сирийской Арабской Республике. URL: <http://www.kavkaz-uzel.ru/articles/216627> (дата обращения: 02.12.2012).

17. Гулевич В. Ближневосточные черкесы: от репатриации – к социальному взрыву? URL: <http://www.kavkazoved.info/news/2012/08/20/blizhnevostochnye-cherkesy-ot-repatriacii-k-socialnomu-vzryvu.html> (дата обращения: 22.08.2012).

18. Тлисова Ф. Черкесские беженцы из Сирии просят убежища в России: В Москве изучением вопроса занимается Совет Федерации. URL: <http://www.golos-ameriki.ru/content/syrian-refugees-russia-2012-04-24-148766065/664670.html> (дата обращения: 24.04.2012).

19. Тлисова Ф. Сирийский кризис и ответственность России. URL: <http://www.golos-ameriki.ru/content/world-syria-refugees-situation/1583815.html> (дата обращения: 15.01.2013).

Секция I. Социальные и трудовые конфликты в современном мире и в России: диагностика и управление

Девииации как факторы социальной конфликтогенности

Ананьева Н. А.

Первый Профессиональный Университет, Институт Психологии, Москва

Проблема девиаций связана сегодня с рядом негативных социальных явлений, таких, как преступность, наркомания, игровая зависимость, асоциальные способы самовыражения. Все отчетливее обозначаются рискованные модели поведения в обществе.

Проводился ассоциативный эксперимент с целью выяснения представлений современной молодежи относительно отклонений в поведении, то есть имеющихся в условиях настоящей действительности девиационных процессов, их признаков и показателей. В эксперименте участвовали студенты 2-го курса в количестве 15-ти человек, в возрасте от 18-ти до 20-ти лет.

В соответствии с требованиями первого этапа исследования испытуемым необходимо было высказать ассоциации на термин «отклоняющееся поведение». Инструкция: «С какими терминами, понятиями у Вас ассоциируется суждение «отклонения в поведении». Напишите 10-ть ассоциаций».

На втором этапе исследования испытуемым необходимо было написанные ими ассоциации «пропустить» через вопрос «кто?». Инструкция: «К каждому слову первого столбца задайте вопрос «кто?» и выскажите пришедшую Вам ассоциацию. Например, неадекватный – «кто?» жестокость – «кто?».

На третьем этапе исследования испытуемым необходимо было ассоциации, относящиеся к вопросу «кто?», «пропустить» через вопрос «какой?». Например, человек – «какой?», молодежь – «какая?». Инструкция: «К каждому слову второго столбца задайте вопрос «какой?» и напишите пришедшую Вам ассоциацию». Ответ на вопрос «какой?» дает характеристику отклоняющимся лицам. Одновременно, через ответ на вопрос «какой?» выясняется установка испытуемых к лицам девиантного поведения. Цель третьего эксперимента – посмотреть отношенческую позицию испытуемых к отклоняющимся лицам.

На четвертом этапе исследования испытуемым необходимо было написанные ими ассоциации «пропустить» через вопрос «где?».

Например, плохой – «где?», жестокий – «где?». Инструкция: «К каждому слову третьего столбца задайте вопрос «где?» и напишите пришедшую Вам ассоциацию». Все ассоциации возникают относительно смысла уже написанных понятий: «отклонение – кто? – какой? – где?». Ответ на вопрос «где?» определяет территорию границ действия отклоняющихся лиц. Одновременно, «где?» – доступ дозволенного девиантного поведения. Распространение отклонений в определенных пределах образует свою сеть, свой код понятий. Цель четвертого этапа эксперимента – выявить среду девиантного типа, распространенную в определенных сферах функционирования.

1-ый этап исследования.

Проведенный подсчет по частотности показал несколько выступающих ассоциаций испытуемых: *неуравновешенность, неадекватность, жестокость*. Далее, проводилась процедура анализа ассоциаций по смыслу. Все ассоциации были объединены в семантические гнезда. Образовалось несколько блоков.

Результаты исследования показали, что часть ассоциаций испытуемых отражает состояние современного общества: *экстремизм, коррупция, наркомания, алкоголизм, дискриминация, расизм, оккультизм, смута, асоциальность*. Это значимые показатели, которые указывают на болезни социального плана в обществе граждан. Все они характеризуют культурную ситуацию настоящей действительности. Пребывание индивидуумов в подобных условиях жизнедеятельности создает особую среду для проявления отклонений и порождения социальной конфликтности. Более того, образовался блок ассоциаций, свидетельствующих о восприятии испытуемыми отклонений как состояния некоторого превосходства: *смелость, гедонизм, свобода, отличие, нестандартность, универсальность, уникальность, гениальность*. Испытуемые в данном случае не понимают реальности и воспринимают отклонения как некоторую игру. В ассоциациях высказано не только восхищение, но и склонность к риску, а также возможность самопроявиться и самовыразиться. Отклонения для них – это игра, риск и превосходство.

Испытуемыми указывались также ассоциации, объединенные в блок, свидетельствующих о правонарушениях с точки зрения уголовного права: *убийство, жестокость, насилие, агрессия, месть, мошенничество, ложь*. Высказывались ассоциации, свидетельствующие о нарушении этики: *грубый, аморальный, неуважение, иная этика, воспитание, субкультура*. Высказывались и ассоциации, в которых проявлялось отношение к отклонениям: *плохое поведение, нездоровое поведение, неадекватное поведение, неправильность, странность поведения*.

Результаты исследования по группировкам ассоциаций испытуемых позволили выделить существенные признаки, указывающие на отклонения. Прежде всего, отклонения в поведении ассоциировались у испытуемых с признаками психических нарушений: *псих, сумасшедший, дура, неадекватный, ненормальный, отсталый, умственно отсталый, отклонения в развитии, психика, патология, психиатр, сбой, от нормы*. Далее, отчетливо обозначалась группировка признаков эмоционального состояния: *раздражительный, неуравновешенный, вспыльчивый, нервный, эмоциональная неразвитость, истерика, без мозгов, не понимает юмора, все время смеется*. Выделялись признаки, свидетельствующие о личностных качествах отклоняющегося поведения:

замкнутый, заторможенный, невнимательный, безответственный, глупый, дерзкий, трудный ребенок, непоседа, характер, деградиционный процесс личности, изгой, безразличие, отвязность, бешеный, неуправляемый, раскрепощенный. Указывались признаки внешнего невербального и вербального облика: *внешность, нарушение в одежде, физическое, дефект телосложения, голос, слух, зрение, непонятная речь, крик, перебивание, мат, жесты*.

2-ой этап исследования.

Результаты исследования показали, что наиболее мощными по частотности были следующие ассоциации, высказанные на вопрос «кто?»: *человек, алкоголик, молодежь, подросток, маньяк, больной*. Испытуемыми выделяется антропологический фактор проявления отклонений в поведении. В частности, молодежная и подростковая среда рассматриваются как источники большинства отклонений. Представителями отклонений выступают асоциальные лица.

Все высказанные ассоциации на вопрос «кто?» были соединены по смыслу в отдельные группы. Результаты исследования, прежде всего, выделили абстрактную антропологическую группу: *молодежь, молодой человек, подростки, подросток, юноша, мужчина*,

мужчина среднего возраста, человек, парень, девушка, девочка, женщина. Результаты исследования показали, что на вопрос «кто?» отчетливо обозначается асоциальная группировка лиц: преступники, наркоманы, алкоголики, убийцы, маньяки, бандиты, террористы, сатанисты, тираны, готы, скинхеды, любители наслаждений, идущие против общества, фрики.

Ассоциациями испытуемых на вопрос «кто?» были широко известные персоналии: *Жириновский, Пугачев, Чикатило, дедушка Ленин, Достоевский, Собянин, Медведев, Чубайс, Жуков, Геракл*; реальные лица: *Аня, Яник, Гайдуков, Марахов Д., Я, мой сосед, Светлана Николаевна*; представители определенных профессий: *политик, доктор, врач, увлеченный медициной, бизнесмен(ы), продавцы, животновод, директор, учитель, ученик, обучающий, обучаемый, СМИ*. В качестве отклоняющихся назывались лица, имеющие психические нарушения:

сумасшедший, псих, психи, не дотягивает до нормы, отклоняется от нормы, непохожий на других, больной. Источниками отклонений назывались лица, допускающие нарушения в детско-родительских отношениях: детское непослушание, дети, непослушный, гиперактивный, как ребенок, ребенок, отец, родители, близкие; нарушения в этике: невежда, обидчик, черствый. В качестве источников отклонений назывались также способы и предметы различного рода развлечения (одушевленные и неодушевленные): друзья, собака, природа, фильмы ужасов, машина.

3-ий этап исследования.

Характеристика девиантной среды, по частотности, представляется в следующих выступающих качествах: *веселый, плохой, жестокий, агрессивный, грубый, наглый, неуравновешенный, сумасшедший, больной, неадекватный, глупый.*

Далее, все ассоциации испытуемых были разбиты на отдельные группировки. Были выделены понятия синонимичные термину «отклоняющийся»: *больной, сумасшедший, психический, неадекватный, ненормальный*. Отчетливо выделилась характеристика интеллектуальных качеств: *интеллектуальный, рациональный, универсальный, образованный, умный, глупый*. Отклоняющиеся лица характеризовались с помощью эмоциональных качеств: *веселый, спокойный, безэмоциональный*. Отражались их регуляторные особенности: *неуравновешенный, нервный*. Значимым было представление испытуемых об этических качествах девиантов: *жестокий, агрессивный, наглый, злой*. Обозначалось множество самых разнообразных личностных качеств: *сильный, задиристый, инфантильный, странный, озабоченный, активный, мужественный, бунтующий*. Испытуемыми назывались оценочные характеристики: *плохой, опасный, страшный, другой, хороший, лучший, элитный*. Упоминалась возрастная характеристика лиц: *молодой, старый*. Среда описывалась и как группа без принадлежности: *бездомный, безработный, без матери*. Обозначалась группа неудовлетворенная жизнью: *недовольный жизнью, разочаровавшийся (в жизни), потерянный для общества, падающий (человек)*. Упоминались и общественные характеристики: *революционный, демократичный, эксплуатирующий, советский*.

4-ый этап исследования.

Характеристика распространения и функционирования девиантной среды, по частотности, представляется в следующих выступающих качествах: *в семье, в неблагополучной семье, в школе, в больнице, клинике, на войне, на работе, в тюрьме, колонии, в обществе*. Далее, все ассоциации испытуемых были разбиты на отдельные группировки.

Была выделена категория семьи: *в семье, в неблагополучной семье*. Отчетливо выделилась группировка ассоциаций, связанных с образовательным учреждением: *в школе, в художественной школе, в коррекционной школе, в интернате, в детском доме, в детском саду, на детской площадке, в кабинете у психолога, в институте, в библиотеке*. Обозначилась категория медицинских учреждений: *в медицинском центре, в клинике*. Значимым было пред-

ставление испытуемых об открытом городском пространстве: *на улице, в трамвае, в автобусе, в электричке, у метро, в метро, на шоссе, на дороге, на переходе, на пляже, в подъезде, во дворе, в парке, в подворотне, в толпе, среди людей, в городе, в обществе, на вокзале*. Испытуемыми назывались понятия, связанные с властью: *в Госдуме, в политике, в суде, в кабинете начальника, на войне*. Упоминалась категория исправительно-трудовых учреждений: *в изолированном учреждении, в тюрьме, в детской колонии, в колонии, в КПЗ*. Среда описывалась и через другие оригинальные места: *на работе, цирке, на ферме, на фабрике, в спортивном зале, в сауне, в секте, в таборе, в квартире, на дискотеке, трансвестит в клубе*. Среда также характеризовалась с точки зрения внутренней погруженности или внешних контактов (экстра-интро): *в группе единомышленников, в компании, среди знакомых, в себе, в астрале, в атмосфере, в Интернете*.

Анализ результатов исследования.

Анализ результатов исследования показал, что наиболее мощной по частотности является группировка ассоциаций относительно представлений испытуемых об отклонении как о психическом нарушении (24). Далее, представления об отклонениях у испытуемых ассоциируются с конкретными социальными нарушениями в обществе (22). Затем, отклонение воспринимается испытуемыми как определенное нарушение в эмоциональном состоянии человека (20). Значимым было представление, что отклонение есть правонарушение (19). Важным являлось то, что отклонение рассматривается как нарушение этики (19). Отклонения воспринимаются через внешний облик (вербальный и невербальный) (16).

Наконец, отклонения выступают через их носителя с отрицательным набором личностных качеств (15). Девиационная характеристика может рассматриваться испытуемыми как уникальное состояние превосходства и как способ самовыражения (8), либо, напротив, как отрицательное отношение к отклоняющемуся поведению (4).

Источником отклонений выступают конкретные асоциальные лица (35). Анализ полученных результатов свидетельствует о мощности антропологического фактора отклоняющегося поведения в виде абстрактно названных лиц мужского и женского пола, а также преобладающей роли молодежи и подростковой среды (33). Девиантными являются лица, имеющие психические нарушения и другие дефекты (25). В качестве отклоняющихся лиц называются реальные имена и фамилии как представителей из своей обычной среды (7), так и известных личностей (12), всего – (19). В качестве отклоняющихся лиц называются представители определенных профессий (18). В качестве отклоняющихся лиц называются представители сферы детско-родительских отношений (10). Отклоняющимся является лицо, нарушающее этику (3). Источником отклонений выступают объекты развлечений и иные предметы (8).

Характеристика отклоняющихся лиц преобладает в самых разнообразных оценочных красках (40). При этом много понятий, синонимичных отклонению (23). Характеристика наполняется личностными качествами (20), интеллектуальными (17), этическими (17), эмоциональными (9), регуляционными (6). Примечательно, что характеристика девиантов рассматривается через критерии удовлетворенности жизнью (5), через критерий принадлежности к ч. – л. (4), через общественные позиции (4) и через возрастной критерий (4).

Характеристика распространения девиантной среды представлена практически через открытое городское пространство (33). Отклоняющиеся лица преобладает в самых разнообразных местах, которые даже трудно классифицировать (31). При этом много понятий, связанных с носительством власти, отождествляемой с Государственными органами (22). Характеристика наполняется перечнем образовательных учреждений (20) и медицинских учреждений (15). Девиантная среда представлена как интро-экстравертное погружение человека (13). Значимым является представление о неблагополучной семье как фак-

торе девиаций (7). Наконец, девиантная среда концентрируется в закрытых исправительных учреждениях (7).

Выводы:

Современные девиации являются многоплановым явлением. Отклонения – это изменения разного рода. Отклонения – это нарушения социального плана, происходящие в обществе; нарушения правового плана в виде законов; нарушения этического плана; нарушения психического, эмоционального, внешнего и личностного плана. Отклоняющееся поведение представлено в социально-значимых болезнях современного общества. Анализ среды свидетельствует об уже созданной асоциальной системе и достаточно мощной для последующего «размножения» вновь появляющихся отклонений. Возникшие отклонения, их источники и носители, могут рассматриваться как факторы внешнего и внутреннего плана, определяющие ситуацию социально-психологической напряженности и конфликтогенности граждан. Таким образом, представления молодежи отражают имеющиеся в обществе социальные модели поведения, которые создают потенциальный риск и угрозу социально-психологической стабильности граждан. Полученные результаты исследования и формулируемые выводы могут служить основой для разработки программ социальной политики по работе с молодежью.

Бизнес, власть и общество: конфликт интересов

*Ахмадуллин И. Р.
КНИТУ, г. Казань*

Благотворительная деятельность предпринимателей довольно эффективна, в последнее время бизнес-элита стала активнее в ней участвовать. Власть подобные инициативы, как правило, поддерживает – они помогают ей справляться с проблемами, требующими больших финансовых затрат. Это, как правило, различные массовые праздники, спонсорство спортивных команд. Однако реакция населения на такую благотворительность, как показывают опросы, противоречива. Достаточно широко распространено мнение, что бизнесмены таким способом просто откупаются, возвращая народу лишь небольшую часть отобранного у него. Дело в том, что основные пожертвования крупных предпринимателей приходятся на спортивно-массовые мероприятия, имеющие зачастую своей целью сделать более узнаваемым имя своего предприятия, т.е. выступающие работой на имидж. Население же, в свою очередь, ждет от бизнесменов решения социальных вопросов.

В то же время в массовом сознании доминирует негативное отношение к крупным бизнесменам. Помимо того, что им приписывают отрицательные черты характера, большинство считает происхождение их капиталов полукриминальным. Бизнес-элита, по мнению респондентов, не выполняет также и свои социальные обязательства перед обществом. Лишь молодежь и люди с относительно высоким материальным достатком относятся к предпринимательской элите довольно положительно.

Итак, если обратиться к массовым опросам, то видно, что в отношении к крупным бизнесменам преобладают негативные точки зрения, что вполне сопоставимо с оценками экспертов. При сравнении с западными предпринимателями российским приписываются такие качества, как авантюризм, жажда наживы, склонность к махинациям и т.п. Сами же опрошенные автором в 2010 году бизнесмены оценивают себя с положительной стороны, однако большинство делит крупных предпринимателей на два лагеря по ценностным признакам: одним приписывают то, что в разряд бизнес-элиты они попали благодаря близким, родственным отношениям с властью предержавцами; другим, в категорию которых причисляют и себя, по их мнению, присущи в преимущественной степени человеческие качества, помогающие добиться им таких высот в бизнесе.

Социальная ответственность бизнеса предполагает для россиян не только своевременную и полную уплату налогов, как это пытается представить ряд бизнесменов в своих публичных рассуждениях на эту тему (с ними согласны всего 25 % опрошенных), но и активное участие бизнеса в решении социальных проблем (61 %)[1]. Более того, россияне ждут от бизнеса решения проблем, прежде всего в сфере его непосредственной ответственности, а уж затем – подключения к решению вопросов, находящихся в компетенции региональных и муниципальных органов. Что касается благотворительности и меценатства, то, судя по всему, сама эта идея в значительной степени девальвирована «купческо-парскими» жестами некоторых крупных бизнесменов.

«С точки зрения моральной, бизнес-элита, безусловно, ответственна за низкую и несвоевременную выплату заработной платы, за плохую организацию социальной защиты населения, – говорит один из экспертов в нашем исследовании. – Но она настолько не уверена сама в завтрашнем дне, настолько сама не устроена, что боится всего, что лучше предпочтет перевести капиталы за рубеж. Купит там особняк, и детей будет учить за границей. Вкладывать деньги в экономику, социальную сферу, тем более в культуру нашей страны – опасно. У нас такое законодательство – благотворительность не стимулируется». «Совре-

менная благотворительность имеет место быть, – говорит другой эксперт, – но в основе всего лежит то, что эта часть отчислений не облагается налогом. Не думаю, что более процента среди крупных бизнесменов думают об обществе. Проводить параллель с разночинцами, дореволюционными меценатами вроде Морозова очень рано. Ведь говорят, что интеллигентами становятся лишь в третьем поколении – так и здесь. Лишь через большой промежуток времени крупные предприниматели, точнее их дети, внуки, станут социально ответственными перед людьми, обществом, в котором они живут».

Сами бизнесмены в ходе наших интервью признавались, большей частью, что они занимаются благотворительностью, но отношение к этому у всех разное и многие сейчас требуют конкретных результатов и отдачи от своих денег. «Субсидируем детские фонды, – говорит генеральный директор одной из казанских фирм, – оказываем адресную помощь». «Благотворительностью занимаемся и очень много, – рассказывает директор туристического агентства, – оказываем помощь приюту в Раифе. Если узнаем, что на наши средства дети отдыхают в Париже, считаем, что это уже излишне. Сейчас мы не оказываем помощь деньгами – хотя и это было. Помогаем строить храмы, оказываем конкретную адресную материальную помощь».

«Благотворительность благотворительности рознь, – говорит владелец крупной торговой сети – Если раньше финансировали массу всяких проектов, то теперь мое отношение к этому изменилось, потому что благотворительность тоже стала бизнесом. Для части людей. И в этом случае мы работаем с конкретными людьми и на конкретные результаты. Т.е. я не даю денег людям просто так. Я могу выделить деньги на какой-то проект, проект достойный, причем, когда реально без этой помощи обойтись нельзя. Когда нужна реальная помощь для детей-инвалидов, воспитатели приходят к нам и говорят конкретно: надо подарки на Новый год или телевизор, еще что-то. При этом одно из условий нашей работы – в любой момент наш сотрудник приезжает – они должны показать то, что мы им дали».

«Меня не интересует количество денег, которые я зарабатываю, меня интересует сам процесс зарабатывания денег. Если у тебя есть деньги – надо делиться», – говорит казанская предпринимательница. Другой бизнесмен так продолжает данную мысль: «...существует такое мнение, что деньги заработали не мы – их нам дал господь за старание. Хотя можно стараться и не нажить, потому что господь не позволит. И мы всего лишь менеджеры этих денег, которые господь нам дал, и потому мы не должны много тратить на себя, на личное потребление... сколько ни трать на себя – «голым родился – голым умрешь»... – отсюда вполне естественно вытекает явление благотворительности... Это не является неким отрывом от сердца – это совершенно параллельный ход мыслей. Деньги не мои – мне их дали, чтобы я правильно ими управлял, чтобы меньше зла в мире было и т.д. Это не словоблудие, это идеология». «В православии и исламе главная добродетель – помощь бедным, не паломничество», – говорит следующий лидер регионального бизнеса.

Таким образом, мы сталкиваемся с двумя противоположными точками зрения: эксперты из научной среды, как и население в целом, считают, что бизнес у нас социально безответственен и в силу ряда причин, внешних и внутренних, присущих самим предпринимателям, последние не выполняют свой долг перед обществом. Сами же бизнесмены придерживаются того мнения, что делают много в этом направлении и вкладывают достаточно материальных средств в социальную среду, благотворительность и адресную помощь населению.

Предпочтительными направлениями участия крупного бизнеса в решении социальных проблем региона (города, области) россияне называют создание новых рабочих мест (65 %), предоставление дополнительного «социального пакета» работникам своих предприятий (33 %), участие в строительстве городских социальных объектов (24 %), благоустройство городов, поселков (19 %).[2].

Ожидания россиян в отношении таких проблем, как создание новых рабочих мест и улучшение социальных условий на предприятиях существенно (в три-четыре раза) расходятся с оценками реального положения дел в соответствующих сферах и областях. И наоборот, отмечается активная роль бизнеса в таких важных, но неприоритетных для большинства россиян областях социальной работы, как проведение культурных, спортивных мероприятий (20 %), восстановление и строительство религиозных сооружений (12 %). Ожидают же от бизнеса работ в этих направлениях лишь 3 % и 2 % соответственно. [3].

Беспокоят людей и риски политической нестабильности ввиду усиления конкуренции внутри элит (70 %), отметили и риски социального характера – рост безработицы (83,4 %) и рост «беловоротничковой преступности (69,5 %) [4, 274].

Несмотря на актуальность проблем борьбы с наркоманией, беспризорностью, кризисом системы науки и образования, наличием экологических угроз в целом ряде регионов, россияне тем не менее не отмечают эти позиции в качестве приоритетных для крупного бизнеса, считая, что эти общенациональные проблемы нельзя перекладывать на плечи бизнесменов.

«Бизнес всегда космополитичен, – пишет М. Ходорковский в своем знаменитом «покаянном» письме, – деньги не имеют отечества. Он располагается там, где выгодно, нанимает того, кого выгодно, инвестирует ресурсы туда и только туда, где прибыль максимальна. И для многих (хотя, бесспорно, отнюдь не для всех) наших предпринимателей, сделавших состояния в 90-е гг., Россия – не родная страна, а всего лишь территория свободной охоты. Их основные интересы и жизненные стратегии связаны с Западом». [5, 4].

Интересные комментарии по этому поводу дают специалисты: «Общество к издержкам бизнеса относится негативно. Если вы спросите, как общество относится к олигархам, то вы получите однозначно отрицательный ответ. Но здесь есть сложность, состоящая в том, что у нас сейчас используются максимально эмоционально нагруженные понятия. Назовешь его предпринимателем – выстраивается один образ. Назовешь олигархом – образ прямо противоположный. Первый термин нагружен в большей степени позитивно, второй – негативно». [1].

И все же у населения сформировался соответствующий образ российского предпринимателя. По данным бывшего президента Торгово-промышленной палаты РФ С.А. Смирнова, социологические опросы показали, «что 39 % россиян ассоциируют предпринимательский доход со спекуляцией, 34 % – с разворовыванием общегосударственной собственности, 17 % – с отмыванием мафиозных денег». [6, 10].

В России сложилась неоднозначная этическая оценка средств и способов, какими достигается богатство. Широко распространено представление о том, что бизнес не совместим с моралью, требует отказа от главных этических норм. Между тем диалог с бизнесменами указывает на «выгодность» следования этическим принципам в бизнесе. Лидеры российского бизнеса рассматривают соблюдение моральных норм как своеобразную гарантию успеха и безопасности экономического и физического существования в бизнесе. [7, 18].

Бизнес – новое явление для России, и многие действующие бизнесмены, развернув свое дело, не прошли «ценностного» роста бизнеса. Сегодня модели их поведения формируются в достаточно агрессивной среде, где приходится преодолевать двойное давление со стороны как «далекого» окружения так и ближнего» окружения. Такое давление формирует, с одной стороны, устойчивые «ценностные модели», следование которым воспринимается как выгодное, с другой – дает простор для творения новых ценностных моделей, конфигурация которых не всегда отвечает стереотипам массового сознания. Если этическая модель тормозит развитие бизнеса, то вопрос следования или не следования этической норме будет решаться исходя из личностных стратегий. Сами по себе общественные нормы потеряли сейчас свое регулирующее значение [8, 119].

Парадокс российского бизнеса состоит в том, что этичность или неэтичность тех или иных поступков не определяется личностным выбором. Этичность самого субъекта не гарантирует этичности бизнеса в России. Он молод и сложно устроен. Новизна явления создает необходимость поиска оптимальных стратегий в имеющихся условиях конкуренции. Лишь устойчивость и стабильность бизнеса позволят разрешить этический парадокс российского бизнеса. [7, 20].

В качестве рекомендаций по оптимизации отношений между бизнес-элитой, населением и государством в лице властных структур можно предложить следующее: федеральным властям необходимо продолжать политику «равноудаления олигархов» от власти, сосредоточившись не на отдельных персонах предпринимательской элиты, а действуя в рамках законодательства. Требуется пересмотр результатов залоговых аукционов, но не всей приватизации, что чревато бегством капитала за рубеж. Необходимо введение прогрессивного налога на прибыль и возврат к практике, существовавшей до 2002 г., позволяющей коммерческим организациям отчислять средства (до 3 % от прибыли, не облагаемые налогом) на благотворительные цели. Требуется создание законов стимулирующих создание новых рабочих мест. Необходим пересмотр антимонопольного законодательства.

Бизнес-элите следует большее внимание уделить социальным вопросам, в первую очередь, созданию новых рабочих мест и, прежде всего, выполнению социальных гарантий перед своими работниками. Лидерам предпринимательского сообщества необходимо принимать активное участие в создании различных ассоциаций деловых кругов, в частности цивилизованных форм лоббистских организаций и политических партий, отстаивающих интересы бизнесменов.

Список литературы

1. Социальная ответственность бизнеса // Режим доступа: <http://www.tsair.ru/ru/projects.html>
2. Капитаны бизнеса: известность и репутация // Режим доступа: <http://bd.fom.ru/report/map/of062427>
3. Крупный бизнес и люди // Режим доступа: http://wciom.ru/zh/print_q.php?s_id=19&q_id=1574&date=15.07.2004
4. Тузиков, А.Р. Перспективы инновационного развития сквозь призму оценок населения (на примере Республики Татарстан // Вестник Казанского технологического университета. – № 4. – 2010. – С. 267-276.
5. Ходорковский, М. Кризис либерализма в России // Ведомости. – 2004. – № 52. – 29 марта.
6. Смирнов, А. Экономика России в призме независимой экспертизы // Экономика и жизнь. – 1997. – № 12. – С.9-15.
7. Бабаева, Л.В. Семь мифов о российской бизнес-элите / Л.В. Бабаева, А.Е. Чирикова // Бизнес и политика. – 2009. – № 12. – С.17-22.
8. Сергеева, З.Х. Дерегулирование и реструктуризация в нефтяной промышленности: от региональной матричной структуры к «самообучающейся организации», создателю инноваций. (На примере корпорации Royal Dutch/Sheel Group of Companies) // Вестник Казанского технологического университета. – № 4. – 2012. – С. 115-125.

Современный мировой экономический кризис и трудовой конфликт

Буров И.В.

Институт социологии НАН Украины, г. Киев

Казаков В.С.

Институт социологии НАН Украины, г. Киев

Современный мировой и глобальный финансово-экономический кризис можно и необходимо рассматривать как многохарактерный и имеющий множество субъектов глобальный конфликт. Любой экономический кризис, приводя к росту безработицы, снижению заработной платы и т.д., порождает значительное число разнообразных трудовых конфликтов, тем самым актуализирует вопросы о их причинах, субъектах.

Авторы, исходя из ресурсной концепции природы трудового конфликта В. Шаленко [1, 247-249], уже обращались к рассматриваемой проблеме [2, 244-249] и предложили свою гипотезу в форме построения модели протекания современных трудовых конфликтов в Европе (ЕС). В частности, с их точки зрения, данные конфликты имели несколько этапов своего развития. Эта работа завершалась неопределенно и вопросом – «Четвертый этап?» [2, 249]. Собственно, под этим подразумевалось несколько вопросов: когда, каким будет и, если будет, следующий этап мирового или регионального трудового конфликта (в указанном в работе смысле)? Вероятно, можно сказать, что он наступил. Следует подчеркнуть, что излагаемое есть лишь некая гипотеза в форме модели, некой схемы, которые не будут точно соответствовать конкретным процессам, протекающим в кризисных странах.

Четвертый этап. Этот этап имеет ряд специфических особенностей и весьма противоречив. Несмотря на углубление кризиса (в Испании, например, уровень безработицы вырос с 20 % летом 2010 г. до 25 % в конце 2012 г.) во многих странах стала проявляться некоторая «усталость» от протестных действий и определенная пассивность масс. Отчасти возникло некое противоречивое, парадоксальное и «замороженное» состояние. С одной стороны, массы активно выступали против политики «антикризисных действий» своих правительств, реализующих все более жесткие меры экономии в бюджетной сфере, они были не удовлетворены их работой и не доверяли законодательным органам. Так, по результатам международного социологического исследования, в проведении которого принял участие и Институт социологии НАН Украины, степень удовлетворенности населения работой правительств своих стран резко снизилась. Например, в Греции с 4,53 баллов (максимальная удовлетворенность – 10 баллов, минимальная – 0) в 2005 г. до 1,82 балла в 2011 г.; соответственно в Испании с 5,11 до 2,96; во Франции с 4,23 до 3,53 [3, 19]. Уровень доверия законодательным органам снизился, соответственно, в Греции с 4,69 баллов до 2,04, в Испании с 5,09 до 4,29, во Франции с 4,27 до 4,15 балла [3, 20]. С другой стороны, массы де-факто поддерживали эти правительства и законодательные органы своих стран. Наиболее яркий пример – Греция. На парламентских выборах в этой стране 6 мая и 17 июня 2012 г. «проевропейская» партия «Новая демократия» дважды получала большинство: 19 % и 29,7 % голосов, в то время как коалиция левых сил СИРИЗА соответственно – 17 % и 26,9 %. Как считает один из авторов украинской аналитической газеты «Зеркало недели» А.Коваль, «избиратели в Греции, несмотря на общее неудовлетворение политикой «жесткой экономии», не воспользовались шансом изменить политический ландшафт страны» [4].

К важнейшим особенностям этого периода следует отнести:

А) Феномен самодеятельности и самоорганизации некоторой части отдельных социальных групп населения, проявившийся в разных формах, которые, можно считать, и разными формами трудового конфликта.

Во-первых, на Западе возник целый ряд близких между собой «новых» социальных «движений». На истоки и причины их формирования существуют разные точки зрения. Одни исследователи указывают на их «подобие» движению антиглобалистов, в некоторых средствах массовой информации упоминается их связь с Соросом, который прямо и публично поддержал движение «Оккупируй (Захвати) Уолл-стрит». Эти движения применяют для мобилизации своих сторонников и проведения конкретных акций протеста подобные средства и методы, ранее используемые участниками различных «цветочных революций», «арабской весны» и т.д. Основным их субъектом является молодежь, особенно студенты.

Одним из первых таких движений на Западе можно считать движение «Поколение в нищете», организовавшее массовые манифестации (до восьми тысяч участников) в португальском городе Фару в марте 2011 г.

Однако, большую известность получило «Движение 15 мая» («Движение 15М»). Оно весьма аморфно, не имеет четкой организации, структуры, руководства, вероятно и поэтому во многих средствах массовой информации его еще идентифицируют как движение «Настоящая демократия СЕЙЧАС!» или в целом как движение Indignados – «Возмущенные». Правда, в СМИ присутствуют и определения движения как «недовольных», «непокорных». Вероятно, правильнее было бы называть это движение или группу движений «Движением 15 мая», так как исходной, де-факто, датой его возникновения является 15 мая 2011 г. В этот день в преддверии выборов в местные органы власти в Испании прошли акции протеста против растущей безработицы и мер жесткой экономии (трудовой конфликт). В Мадриде участники манифестации мирным маршем прошли по центральной улице города, этим блокировав движение в его центре. Полиция, используя дубинки, стала разгонять собравшихся. Ряд протестующих был ранен или задержан. В ответ на другой день манифестанты развернули на главной площади Мадрида палаточный городок. Свои призывы присоединиться к ним они распространяли в интернете через социальные сети. Их основными требованиями были – рабочие места (трудовой конфликт), решение жилищной проблемы, реформа избирательного законодательства. В городке развернулась «работа по изучению общественного мнения горожан о том, что их действительно беспокоит, какие проблемы, по их мнению, должны в первую очередь заботить политиков. Свои «рекомендации» властям активисты вывешивали на больших плакатах, которые крепились на фасадах домов, станциях метро. Форма данных стихийных собраний и живого обсуждения прямо на улице стала настолько популярной, что посиделки на Пуэрта дель Соль стали круглосуточными. За молодежью сюда потянулись более зрелые испанцы, которые уверовали, что их голос из мегафона над площадью более значим, чем крестик в избирательном бюллетене. Здесь каждый мог высказаться о насущном» [5, 5]. Летом 2011 г. «возмущенные» стали активными участниками и стимуляторами целого ряда массовых акций протеста в Испании. Например, массовых демонстраций в Мадриде (по некоторым данным – 150 тысяч, по данным полиции – 40), Барселоне (соответственно, 270 и 50 тысяч). Они выступили организаторами шести колонн протестующих против безработицы, роста цен, которые из разных точек прошли по Испании пешком к Мадриду. В июле 2011 г. «возмущенные», как утверждает украинская газета «День», «организовали марш протеста в Брюссель» [6, 3].

«Движение 15М» получило поддержку и свое в разных формах продолжение не только в Испании, но и в ряде других стран Европы, где многие участники протестов идентифицировали себя как «возмущенных», что нашло свое отражение во многих СМИ. В некоторых из них появилась информация, что наиболее активные участники этого движения «подумывают о том, чтобы к всеобщим выборам в марте 2012 г. стать вполне оформившейся политической

силой, хотя организационной структуры, лидеров и механизмов реализации народных чаяний у них пока нет» [5, 5]. Следует отметить, что, несмотря на такое желание, «Движение 15М» является скорее не политическим, а социально-экономическим феноменом, оно лишь в той или иной мере политизировано. Его основным и базовым субъектом была молодежь, студенчество, а они, в первую очередь, выступали против безработицы, за предоставление выпускникам вузов рабочих мест, за выделение больших средств из бюджета на образование и т.д. По существу и по своей форме этот протест был во многом, хотя и специфическим, но трудовым конфликтом, для организации и проведения которого использовались новые средства – мобильная связь, интернет, социальные сети.

Еще большую известность получило движение «Захвати (Оккупируй) Уолл-стрит». Оно во многом идентично «Движению 15М», хотя и отлично от него. «Захватчики» не считали себя «возмущенными», как членами «Движения 15М». Их движение, хоть и возникло в том же 2011 г.(!), но позже. Однако, вероятно, главным отличием является значительно большая и действительно реальная глобальность движения «захватчиков». Еще одно важное их отличие от «возмущенных»: большая театральность и меньшая агрессивность, что позволило некоторым СМИ определять их отдельные действия как шоу. Можно считать, что оно возникло 17 сентября 2011 г. В этот день в ряде стран прошли массовые акции протеста против деятельности банков и финансового капитала вообще. Конкретным местом проведения акций планировалось физическое пространство около ведущих банков и фондовых бирж. По существу, это должен был быть, вероятно, стандартный флэш-моб. Но в Нью-Йорке полиция ограничило движение по Уолл-стрит и этим, вероятно, спровоцировала демонстрантов, которые создали на улице палаточный городок. Можно сказать, что его жизнь во многом совпадала с жизнью городка в Мадриде, хотя были и существенные отличия (участие в массовых демонстрациях). Движение «захватчиков» получило поддержку и свое в разных формах продолжение по всему миру: в Лондоне, Сиднее, Мадриде, Токио, Афинах, Мельбурне и многих других городах прошли массовые демонстрации под лозунгами движения «Захвати Уолл-стрит». Правда, в Риме демонстрация переросла в столкновения с полицией, беспорядки и погромы, в ходе которых 135 человек получили травмы. В разных странах к демонстрациям присоединялись представители разных социальных движений (зеленые и т.д.), политических партий, профсоюзов. В последующем, даже после «зачистки» палаточного городка в Нью-Йорке, который просуществовал почти два месяца, акции «захватчиков» в мире продолжались, например, в мае 2012 г. во Франкфурте-на-Майне, в Ульсане (Южная Корея) под лозунгом «Оккупировать «Хюндай»» около здания штаб-квартиры корпорации «Хюндай Моторс».

Во-вторых, в развитых странах Запада возникли различные движения, которые весьма условно можно определить как «антирыночные», и которые можно также считать специфическими формами трудового конфликта. Например, «Банк времени», в его рамках клиенты оказывают друг другу различные взаимные услуги по своей профессии, но без наличной денежной оплаты, а с учетом временных затрат, взаимно перерасчитываемых через этот банк. Это трудовой конфликт индивидов не с государством, а с рыночной системой в целом, так как в его процессе обмен ресурсов выводится из сферы товарно-денежного обращения. Такой же формой трудового конфликта была библиотека в палаточном городке «захватчиков» в Нью-Йорке, в которой происходил безденежный обмен книгами. В Стокгольме около метро «Хагсэтра» возник специфический «рынок», где подержанные вещи предоставлялись на основе безденежного обмена. Один из идеологов этого «рынка» заявляла корреспонденту «Комсомольской правды», что «человечество может много лет прожить на обычном секонд-хендовском обмене между людьми» [7, 8].

Подобных альтернативных рыночному форм экономического обмена в развитом мире возникло большое разнообразие. Они локальны, не являются пока еще массовыми, но

они результат не указаний «сверху», а продукт самостоятельности и самоорганизации масс «снизу». Если палаточные городки «возмущенных» или «захватчиков» можно было «зачистить» силой. То как «зачистить» «банкирщиков»?

Движения «возмущенных» и «захватчиков» ярко возникли, имели глобальный резонанс, но постепенно стали «угасать», а их определения превратились во многом в рекламный бренд. В этом проявилась отмеченная противоречивость четвертого этапа.

Б) Другой важнейшей особенностью четвертого периода является подъем сепаратизма во многих странах, борьбы за национальную независимость и суверенитет. Современные настроения сепаратизма в Европе (Шотландия, Каталония, Фландрия, Корсика и т.д.) имеют дальнюю историю, но экономический кризис обусловил их актуализацию. В регионах люди не удовлетворены распределением центром государственных ресурсов (бюджетом). Часть их населения, проявляя «экономический эгоизм», полагает, что могло бы добиться роста своего материального благосостояния, если бы «за их счет не кормили всю страну» (трудовой конфликт). Независимость этой частью рассматривается как средство реализации своих экономических возможностей, своего экономического потенциала. Поворотным пунктом в движении европейских сепаратистов в разных странах могут стать последние события в Каталонии (Испания). С 30 июня 2012 года в ней началась серия акций под общим названием «Марш к независимости». Так, 11 сентября в Барселоне прошла массовая демонстрация (по разным данным от 600 тысяч до двух миллионов участников) под лозунгом «Каталония – новое государство Европы». 25 ноября каталонские националисты и их союзники победили на региональных парламентских выборах. По их результатам они получили в парламенте 71 место из 135, а их оппоненты только 48. Позже парламент Каталонии принял декларацию о суверенитете; хотя она и имеет лишь некое символическое значение, но может стать реально первым шагом к независимости Каталонии, за нее проголосовали 85 из 135 депутатов. Независимость позволит оставлять собираемые центром налоги в самой Каталонии. Во-вторых, позволит ей отказаться от реализации жестких «антикризисных мер», навязываемых Мадридом, особо от повышения налога на добавленную стоимость с 18 до 21 %. В-третьих, Каталония, дающая 20 % ВВП Испании, являясь независимой, может стать одним из крупнейших экспортеров Европы. Большинство каталонцев готовы поддержать отделение от Испании. Они полагают, что центральное правительство не возвращает в полной мере региону денежные суммы, изымаемой из него посредством налогов.

В современный период глобального финансово-экономического кризиса распределение и перераспределение ресурсов (В. Шаленко) является основной причиной активизирующегося сепаратизма.

В) Еще одной особенностью четвертого периода является проведение 14 ноября 2012 г. «Дня действий и солидарности», организованного Европейской конфедерацией профсоюзов. В этот день прошли массовые демонстрации и забастовки в более чем двадцати странах Европы. Их участники протестовали против сокращения зарплат, пенсий, пособий, повышения налогов и т.д., то есть против мер «жесткой экономии». Как отмечали СМИ, «это не антиправительственные забастовки, а способ выразить солидарность с рабочими из других европейских стран» [8, 3]. В организации «Дня» участвовали более 40 национальных и региональных профсоюзов работников как государственных, так и частных предприятий и организаций. Это была попытка проведения единой акции общеевропейского протеста всех трудящихся Европы на всей ее территории.

Продолжатся ли в дальнейшем подобные акции и четвертый этап в целом или наступит пятый этап?

Список литературы

1. Шаленко В.Н. Трудовая конфликтология и «ресурсная концепция» управления трудовыми конфликтами на предприятиях // Тезисы докладов и выступлений на II Международном конгрессе конфликтологов «Современная конфликтология: пути и средства содействия развитию демократии, культуры мира, согласия». М. – СПб., 30 сентября – 2 октября 2004 г. Т. I. – СПб: Наука, 2004. – С. 247-249.
2. Буров И.В., Казаков В.С. Мировой экономический кризис и трудовой конфликт / Конфликты в социальной сфере: материалы V Всероссийской научно-практической конференции (с международным участием). 22-23 марта 2012 г.; М-во образ. и науки России, Казан. нац. исслед. технол. унт. – Казань: КНИТУ, 2012. – С. 244-249.
3. Головаха Є., Горбачик А. Тенденції соціальних змін в Україні та Європі: за результатами «Європейського соціального дослідження» 2005-2007-2009-2011. – К.: Інститут соціології НАН України, 2012. – 119 с.
4. Коваль А. Греция обнадежила Европу // Зеркало недели. – 2012. – № 23. – 23 июня.
5. Коваль А. У Европы болит Испания // Зеркало недели. – 2011. – № 21. – 11 июня.
6. «Возмущенные» испанцы идут маршем на Брюссель // День. – 2011. – 28 июля.
7. «Жирные коты» стали врагами всего общества // Комсомольская правда в Украине. – 2011. – 19 октября.
8. В Европе происходят протесты против жесткой экономии // День. – 2012. – 15 ноября.

Воспитание детей в однополых семьях: роль права в разрешении социального конфликта (опыт Великобритании)

Исаева Е.А.

Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова, Ярославль

Проблема воспитания детей в однополых семьях в настоящее время является актуальной во многих странах Европы. Одни страны приняли решение по данному вопросу, позволив однополым парам регистрировать свои отношения, но не дав возможности усыновлять детей. Другие пока не позволяют праву по-новому регулировать фактически сложившиеся семейные отношения, оставляя нарастающий социальный конфликт неурегулированным. При этом заметим, что вмешательство права в сферу семейных отношений далеко не всегда позитивно влияет на динамику развития социального конфликта.

В Великобритании Акт «О гражданском партнерстве» 2004 г. не только легализовал однополое сожительство, но и предоставил гражданским партнерам возможность усыновлять детей. Под гражданским партнерством Акт понимает отношения между двумя лицами одного пола, которые официально зарегистрировали данный союз. Гражданскими партнерами не могут быть лица разного пола, лица, состоящие в зарегистрированном браке или зарегистрированном партнерстве; лица младше 18 лет (в Шотландии 16 лет)[1]. Цель указанного нормативного акта состояла в том, чтобы придать гражданским партнерам такой же статус, и наделить правами и обязанностями, аналогичными зарегистрированным супругам, а незарегистрированным однополым сожителям – статус, тождественный проживающим вместе разнополым лицам, не зарегистрировавшим брак. По данным на 2011 г., в Великобритании зарегистрировано 26000 гражданских партнерств [2].

Помимо вопросов о регистрации, расторжении гражданского партнерства, соглашении между гражданскими партнерами, имущественных отношениях между ними Акт о гражданском партнерстве регламентирует и вопросы, связанные с усыновлением и воспитанием детей. Он предоставляет партнерам такие же права по отношению к детям, как отчиму и мачехе после вступления их в брак с родителем ребенка. Гражданский партнер может приобрести родительские обязанности, как посредством соглашения, так и судебного постановления. Суд при решении данного вопроса исходит из фактически сложившихся взаимоотношений между ребенком и взрослым, причин, понудивших партнера подать прошение об усыновлении, семейных обязанностей, которые берет на себя гражданский партнер.

Акт о гражданском партнерстве расширил определение понятия «ребенок семьи», которое было введено Законом о детях 1989 года. Оно стало применимо также к ребенку, воспитывающемуся обеими сторонами гражданского партнерства (согласно Закону о детях 1989 года, подтверждение статуса «ребенка семьи» производится на основании анализа совокупности очевидных фактов). Соответственно гражданский партнер имеет право без разрешения суда, а также независимо от того, продолжает ли он находиться в гражданском партнерстве, обратиться за предоставлением права общения с «ребенком семьи» или определением порядка проживания ребенка[3].

Важен также вопрос финансового обеспечения детей в гражданских партнерствах. Акт 2004 года расширил понятие «родитель», распространив данное определение на каждого из гражданских партнеров, для которого ребенок стал «ребенком семьи», поэтому гражданский партнер или бывший гражданский партнер вправе обратиться в суд, требуя, к примеру, присуждения периодических выплат или единовременной выплаты непосредственно ребенку

или гражданскому партнеру в пользу ребенка. На принятие решения о присуждении гражданскому партнеру определенных сумм в пользу «ребенка семьи» влияют такие факторы, как трудоспособность, наличие собственности, источники доходов, которыми обладают или будут обладать в ближайшем будущем гражданские партнеры, а также родители ребенка. Учитываются также финансовые потребности, обязательства и ответственность гражданских партнеров, а также родителей ребенка; финансовые потребности ребенка, доход, трудоспособность, собственность и другие источники доходов ребенка; физическая и психическая неполноценность ребенка; образ жизни ребенка, или предполагаемый образ жизни, образование и воспитание.

В случае, если ответчик не является матерью или отцом ребенка, суд должен дополнительно принять во внимание следующее: нес ли ответчик обязанности по содержанию ребенка и уходу за ним, если да, то каков был объем данных обязанностей и период времени, в течение которого они реализовывались; также имеет значение наличие лиц, имеющих возможность ухаживать за ребенком.

Ряд ограничений накладывается на распоряжения по срокам периодических выплат в пользу «ребенка семьи». Срок их действия должен истекать при достижении ребенком семнадцатилетнего возраста, при условии, что суд не примет решение о продлении срока выплат, однако в любом случае предельный срок ограничивается 18 летним возрастом, если только ребенок не планирует получать образование в учебном заведении или не имеет особых обстоятельств, к примеру, инвалидности. Истец, требующий финансовой поддержки в отношении ребенка, не обязательно должен являться родителем ребенка (по рождению или по усыновлению), опекуном или обладать правом проживания с ребенком.

Гетеросексуальные пары, не зарегистрировавшие брак, или однополые пары, не вступившие в гражданское партнерство, могут предъявить финансовые требования в пользу ребенка при условии, что ответчик является родителем ребенка, а истец является родителем или опекуном, либо лицом, с которым по решению суда проживает ребенок.

Ребенок старше 18 лет, получающий высшее образование или специальность, и имевший статус «ребенка семьи» гражданских партнеров, может при условии, что гражданские партнеры больше не проживают вместе, подать личное заявление на периодические выплаты и /или единовременную выплату только в отношении своего биологического или приемного родителя, но не в отношении гражданского партнера, не являющегося родителем, хотя и относящегося к ребенку как к «ребенку семьи» [4].

Количество стран, уже легализовавших однополые отношения, все расширяется, как увеличивается и количество государств, разрешающих усыновление детей гомосексуальными парами. К числу таких стран относятся Бельгия, Канада, Германия, Дания и другие. Тем не менее, не вполне очевидным остается ответ на вопрос, можно ли доверять исследованиям, свидетельствующим об отсутствии влияния на психику ребенка того факта, что он воспитывается в гомосексуальной семье? Американские ученые, (например, профессор Линн Вардл), в своих трудах пишут о неоднозначности полученных результатов исследований о влиянии на ребенка воспитания в гомосексуальной семье. К проводимым исследованиям есть много вопросов и замечаний с точки зрения методологии их проведения: [5] это малочисленность контрольных групп и выборки, тенденциозность выборки, неправильный методологический инструментарий, безосновательные научные гипотезы, неоднозначные выводы. В ряде исследований выявляются факторы, свидетельствующие о том, что дети, воспитывавшиеся в гомосексуальных парах, более склонны к гомосексуальной самоидентификации, более раннему рискованному сексуальному поведению [6]. Никто не отрицал доказанное положение о подражании детей своим родителям или воспитателям: если родители курят, у детей есть склонность к курению; если в семье присутствует факт домашнего насилия, то дети склонны имитировать это впоследствии; если родители либералы

или консерваторы, то дети также становятся приверженцами данных взглядов. Полностью согласимся с профессором Вардлом [7]., что необоснованно утверждать, будто тенденция подражания срабатывает на все обстоятельства семейной жизни, кроме гомосексуальности родителей/воспитателей. Важным обстоятельством в проводимых исследованиях является тот факт, что поколение детей, воспитанных в однополых семьях, которым официально было разрешено усыновлять или воспитывать детей, только начинают создавать свои семьи, а большинство еще не достигли совершеннолетия. Эффект воспитания однополыми супругами может проявиться значительно позднее. Поэтому еще рано делать выводы, которые, как видно из дела Department of Human Services & Child Welfare Agency Review Board v. Howard, слишком серьезно влияют на формирование нового законодательства.

Для Российской Федерации зарубежный опыт – пока лишь почва для анализа и размышления. Развитие законодательства, допускающего воспитание детей однополыми супругами, должно базироваться на серьезных, долгосрочных научных исследованиях, которые, как нам кажется, вряд ли подтвердят концепцию отсутствия разницы в воспитании детей гетеросексуальными и гомосексуальными парами. Общество должно созреть, или кто-то скажет, достаточно разложиться и деградировать, для того, чтобы принять данную норму не как аморальную, а как логичную и целесообразную.

Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ № 12-03-00521-а

Список литературы

1. Gray N., Brazil D. Blackstone guide to the civil partnership act 2004. – Oxford UP, 2005. – P. 3.
2. Sendall J. Family law handbook. – Oxford, 2011. – P.85.
3. Children Act 1989, s 10(5)(aa) // <http://www.legislation.gov.uk/ukpga/1989/41/section/10>.
4. Gray N., Brazil D. Op. cit., P. 56.
5. Wardle L.D. The «Inner Lives» of children in lesbian adoption: narratives and other concerns» // St. Thomas. L. review. – № 18. – 2005. – P. 511 (<https://litigation-essentials.lexisnexis.com/webcd/app?action=DocumentDisplay&crawlid=1&doctype=cite&docid=18+St.+Thomas+L.+Rev.+511&srctype=smi&srcid=3B15&key=b76ece68aace8b535dc2dd41c0474cb6>).
6. Wardle L.D. Comparative Perspectives on Adoption of Children by Cohabiting, Nonmarital Couples and Partners // Arkansas law review. – 2010. – № 62. – P. 86 (<http://lawreview.law.uark.edu/wp-content/uploads/2010/04/10Wardle.pdf>
7. http://www.law2.byu.edu/faculty/profiles2009/profile_fancy.php?id=34.

Дискриминация при приеме на работу: неразрешенный законом конфликт

Исаева Е.А., Гаврилова О.В.

Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова, Ярославль

Проблема дискриминации в трудовых отношениях широко обсуждается как в зарубежных странах, так и в России. Искоренение неравноправия по признаку пола, расы, возраста, семейного положения, религии и других оснований является целью ряда международных актов, ратифицированных нашей страной, и принципом, закрепленным в ТК РФ. Задача любой цивилизованной страны, заинтересованной в борьбе с дискриминацией в трудовых отношениях, – разработать во внутреннем законодательстве процедуры, дающие возможность лицу, подвергнутому дискриминации, реально восстановить нарушенные права.

Трудовой кодекс России установил запрет как ограничения в трудовых правах и свободах, так и получения каких-либо преимуществ на основании обстоятельств, не связанных с деловыми качествами работника, который действует на всей протяженности трудовых отношений. Законодатель предоставил возможность лицу, подвергнутому дискриминации, обратиться за судебной защитой.

Стоит провести анализ эффективности его норм ТК РФ, оценить, насколько реально лицу, подвергнутому дискриминации, реализовать свое право на защиту, вывести требования, которые могут быть предъявлены жертвой дискриминации.

В данной статье в силу объема не представляется возможным рассмотреть всю совокупность случаев проявления дискриминации в трудовых отношениях. В связи с этим акцент будет сделан на незаконный отказ в приеме на работу, в рамках которого наиболее часто и нарушается со стороны работодателей запрет, установленный в ст. 3 ТК РФ.

Трудовой кодекс Российской Федерации в ст. 64 предусматривает, что отказ в заключении трудового договора может быть обжалован в судебном порядке. Но какова цель такого обжалования, на что может претендовать лицо, которое по причине пола, расы или возраста не получило желаемую работу? Смысл защищать свои права есть лишь в том случае, если гражданин будет рассчитывать, что с помощью судебной защиты он в итоге получит ту работу, которая для него была столь желанной. Бесспорным является факт, что даже при получении ожидаемого судебного решения, установить безоблачные отношения с «работодателем поневоле» вряд ли удастся. Но, исключая из вариантов защиты возможность лица трудоустроиться, мы вообще в рамках российской действительности исключаем сам смысл обращения в суд. Ограничение исковых требований лишь компенсацией морального вреда в размере, в лучшем случае, 3-5 тысяч рублей, вряд ли станут аргументом для ценности судебной защиты в принципе и, скорее всего, не научат работодателя уважать закон. Характерно, что российский законодатель вообще умалчивает о том, что же может просить у суда работник, подвергшийся дискриминации при приеме на работу, т.е. каковы правовые последствия признания отказа в заключении трудового договора необоснованным. Этот вопрос к российскому законодателю является ключевым.

Существуют различные точки зрения относительно того, каким может быть решение суда по исковым заявлениям работников. Ряд специалистов [1] считает, что при доказанном случае необоснованного отказа в заключении трудового договора суд выносит решение, обязывающее работодателя заключить с работником трудовой договор со дня обращения на работу. Согласно иной точке зрения, ТК Российской Федерации не содержит соответствующих норм, и правила, обязывающие работодателя заключить трудовой договор, противостоят принципу свободы трудового договора. Считаю возможным присоединиться именно

к этой точке зрения. Логично, что прием на работу – это основной способ восстановления нарушенного права потенциального работника, но суд не может толковать закон, он должен применять его. А закон не дает однозначного выхода из данной ситуации. Считаю, что законодатель должен разрешить эту проблему путем внесения дополнений в ст. 394, 83 ТК РФ. А именно, – дополнить ст. 394 ТК РФ указанием на то, что при незаконном отказе в заключении трудового договора лицо может требовать заключения трудового договора и оплаты времени вынужденного прогула. А ст. 83 ТК РФ дополнить пунктом, аналогичным п.2 той же статьи, (прекращение трудового договора в связи с принятием на работу лица, которому незаконно было отказано в трудоустройстве). Согласно разъяснениям, приведенным в Постановлении Пленума ВС Российской Федерации от 19 декабря 2003 г. № 23 «О судебном решении» [2], в резолютивной части решения должно быть четко сформулировано, что именно суд постановил по заявленному иску, а также какие конкретно действия должен произвести ответчик (в нашем случае работодатель) в целях восстановления нарушенных прав истца (лица, которому незаконно отказано в приеме на работу).

Лицо, которому было незаконно, по его мнению, отказано в заключении трудового договора, может потребовать в исковом заявлении оплаты времени вынужденного прогула. Но ТК Российской Федерации предусматривает удовлетворение денежных требований только незаконно уволенных работников или переведенных на другую работу. А поскольку до даты вступления трудового договора в силу это лицо в трудовых отношениях с работодателем не состояло, то юридические основания для оплаты периода времени лицу, которому было незаконно отказано в заключении с ним трудового договора, отсутствуют.

Практика показывает, что доказать факт дискриминации в суде практически невозможно. Каждому претенденту на должность работодатель в случае отказа должен объяснить его причины в письменной форме. Но сделать это он обязан только в случае, если соискатель обратился к нему с соответствующей просьбой. Не имея документа, которым оформлен отказ от приема на работу, гражданину будет достаточно сложно защитить свои права. Именно истец должен будет доказать в суде сам факт обращения за трудоустройством. Придется и обосновать, что он просил работодателя объяснить причину отказа.

Проблему составляет и то обстоятельство, что российское трудовое законодательство не закрепляет четкий порядок обращения соискателей к потенциальному работодателю. Закон не обязывает последнего регистрировать данные обращения, рассматривать их в определенном порядке, фиксировать где-то принятые решения. Регламентация процесса трудоустройства – с обязательной регистрацией кандидатов, указанием предоставленных ими сведений о квалификации и опыте работы, ведением реестра письменных отказов претендентам – сделала бы эту процедуру более прозрачной, а в случае судебного спора способствовала бы установлению истины.

Для того, чтобы выиграть дело о незаконном отказе в приеме на работу, продвижении по службе, увольнении и т.д. по дискриминационным основаниям, лицу, подвергнутому дискриминации, необходимо собрать достаточные доказательства для подтверждения своей позиции. Доказывание в делах о дискриминации строится на принципах и нормах ГПК Российской Федерации. Поскольку никаких исключений в гражданском процессуальном законодательстве Российской Федерации по искам о дискриминации нет, то суды требуют от истцов соблюдения ст. 56 ГПК Российской Федерации, согласно которой каждая сторона должна доказать те обстоятельства, на которые она ссылается в обоснование своих требований или возражений. В силу того, что вся доказательственная база находится у работодателя, работнику остается лишь уповать на суд, который в соответствии с Постановлением пленума ВС Российской Федерации от 17.03.2004 г. № 2 «О применении судами Российской Федерации Трудового кодекса Российской Федерации» решает вопрос о том, был ли факт дискриминации или нет, при рассмотрении конкретного дела. При этом у суда нет критериев для

разрешения данного вопроса. Ситуацию усугубляет отсутствие четкого определения понятия дискриминации в Трудовом кодексе, отсутствие в законе понятия деловых качеств работника, слишком широкое их определение в указанном выше Постановлении пленума Верховного суда России, открытый перечень оснований дискриминации, позволяющий работнику считать себя подвергшимся дискриминации по таким причинам, как сексуальная ориентация, рост, вес и др.

Небрежный подход российского законодателя к разработке комплексного механизма защиты работника от дискриминации в трудовых отношениях приводит к практически полному отсутствию в России положительной судебной практики по данной категории дел. Запрет дискриминации, так гордо прозвучавший в Трудовом кодексе, за одиннадцать лет не смог обрести реальным механизмом реализации, оставшись, к сожалению, лишь декларацией о намерениях.

Работа выполнена при поддержке Минобрнауки РФ в рамках госзадания № 6.4438.2011.

Список литературы

1. См. подробнее: Соколова, Г.А. Отказ в приеме на работу // Кадровая служба и управление персоналом предприятия. – 2007. – № 8.
2. О судебном решении. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 23 от 19 декабря 2003 г. // Российская газета. – № 260. – 2003. – 26 декабря.

Диагностика процесса трансформации социальных напряжений в социальную деструкцию: некоторые методологические подходы

Куонков П.И., Лубяной М.С.

Приволжский филиал ИС РАН, Н.-Новгород

Включение все новых социальных групп в процесс социальной деструкции свидетельствует о том, что в настоящее время это явление представляет реальную угрозу, как для отдельных регионов, так и для России в целом. Достаточно очевидно, что доминировавшие в 90-е гг. XX в. деструктивные практики, способствовавшие разрушению коммунизма, не только отбросили страну назад, но и сегодня являются тормозом для позитивных изменений, представляя собой серьезную угрозу для российской государственности.

Раскол современного российского общества блокирует процесс институционализации гармонизирующих социальных практик, порождает и расширяет «зоны социальной деструкции». В обществе растет обеспокоенность эскалацией ее проявлений в различных сегментах социального пространства.

Глубокие социальные изменения, происходящие в России на рубеже XX-XXI вв., требуют нового подхода к феноменам, исследованию которых ранее не уделялось достаточного внимания, а также к отражающим их понятиям. Особого внимания, на наш взгляд, заслуживают понятия, описывающие те сегменты социального пространства, которые аккумулируют разрушительный потенциал. К числу таких понятий относятся «социальные напряжения» и «социальная деструкция».

Традиционный конфликтологический подход к описанию процессов и явлений в этом сегменте социального пространства, на наш взгляд, недостаточно избирателен, поскольку социальные напряжения и социальные конфликты могут иметь как позитивные, конструктивные, так и разрушительные, деструктивные последствия. Все более разрушительный характер проявлений социальной деструкции, нередко сопровождаемых насилием, актуализирует проблему поиска путей раннего выявления их потенциала с целью предупреждения, а при необходимости, локализации и блокирования. Исследование социальной деструкции, направленное на поиск возможностей ее диагностики и предупреждения, в настоящее время приобретает важное теоретическое и практическое значение. Мы предполагаем, что поиск таких возможностей наиболее продуктивен в пространстве трансформации социальных напряжений в проявления социальной деструкции.

Основой перехода от ситуации, описываемой термином «социальная напряженность», к конфликтной ситуации и далее к открытому конфликту выступает несвоевременное или неадекватное удовлетворение нужд и потребностей, трансформирующееся в процесс увеличения подавленных базовых инстинктов большинства населения [1, 272]. Если неудовлетворенность выступает как сущность рассматриваемого типа отношений, то напряженность – их явление в социальной действительности, обнажение, обострение которого происходит в форме социального конфликта [2, 15].

Рассматривая социальную напряженность как проявление неудовлетворенности, необходимо иметь в виду, что ею далеко не всегда может исчерпываться сущность последней. Феномен социальной напряженности, при определенных условиях, может искажать реальную картину неудовлетворенности конкретных социальных общностей различными сторонами своей жизнедеятельности. Опасность такого искажения возрастает тогда, когда неудовлетворенность приобретает многослойный, многомерный характер, создавая условия

для сознательной или бессознательной подмены объекта неудовлетворенности, а также для деформации процесса ее персонализации и выбора неадекватных, разрушительных социальных практик.

Мы предполагаем, что ситуация, сложившаяся в постсоветской России, является закономерным следствием преобразований последних 20ти лет, характер, направленность, последствия которых требуют объективного, беспристрастного изучения. Эти преобразования описываются при помощи различных теорий: модернизации, кризиса, транзита. На наш взгляд, природу и характер этих процессов наиболее адекватно описывает теория «травмы» [3, 472-492]. Углубление «травмы», полученной населением в первой половине 90-х годов прошлого века, возможно при стечении различных обстоятельств – ухудшение социально-экономической ситуации, стихийные бедствия, техногенные катастрофы, акты терроризма... Длительное сохранение и видоизменение травмы – это уже «вызов дьявола», на который нет ответа [4]. На наш взгляд, вероятным ответом на этот вызов может выступить социальная деструкция, характерная для известных в истории России периодов «смутного времени».

Следствием травмы в России стала аномия, описанная Э. Дюркгеймом как состояние накануне самоубийства [5, 248-251]. Именно этот диагноз поставил посткоммунистическим обществам Р. Дарендорф: аномия – отсутствие норм или их рассогласование вместо прежней гиперномии сверхнормированности [6]. В результате этих перемен социально признанные смыслы, значения рассредоточились по разным слоям общества, формируя противостоящие друг другу реальности, между которыми неизбежно аккумулируется напряжение и потенциал разрушения.

Зарождение отношений по поводу объекта потенциального конфликта, включает интерпретацию понятий, отражающих существо этих отношений, проработку различных стратегий взаимодействия. Неспособность социального субъекта адекватно интерпретировать сущность зарождающихся отношений неизбежно накладывает отпечаток на характер принимаемых стратегий их становления и развития, обуславливающих жесткость, безадресность становящегося потенциала напряженности и предопределяющих возникновение субъекта социальной деструкции.

Мы солидарны с тем, что социальная деструкция может предшествовать социальному конфликту (как причина или предпосылка), присутствовать в конфликте (как характеристика конфликтных взаимодействий) и быть следствием конфликта (выражаясь в ущемлении интересов одной или обеих сторон) [7]. Социальные напряжения также присутствуют на всех этапах возникновения, урегулирования и разрешения социальных конфликтов. Исходя из этого, можно предположить, что понятие «социальная напряженность» содержит значительный прогностический потенциал изучения природы, характера, динамики, как социального конфликта, так и социальной деструкции.

Анализ степени научной разработанности проблемы социальной деструкции свидетельствует об отсутствии общепринятого подхода к пониманию этого явления. В связи с этим, возникает необходимость в исследовании социальной деструкции с использованием методов социологии, социальной психологии, статистики. На наш взгляд, в настоящее время весьма актуальна проблема анализа социальной деструкции, ее соотношения и взаимосвязи с социальными напряжениями. Под социальной деструкцией мы понимаем социальную форму активного отношения к миру, включающую деструктивную деятельность, деструктивную активность и деструктивный конфликт, основное содержание которых составляет разрушение существующих объектов и систем.

Деструктивная деятельность возникает в процессе усиления социальных напряжений, когда в состоянии фрустрации начинается процесс утраты жизненных ориентиров и смыслов. Она реализуется в таких формах, как участие в акциях, направленных на разрушение

институтов общества и государства, несанкционированных государством проявлениях насилия, нигилизм, вандализм. Деструктивную социальную активность мы рассматриваем как самодеятельность, разрушающую социальную среду, социальную систему. Смысл понятию «деструктивная активность» дает, на наш взгляд, выход потенциала социальной напряженности за границу обеспечения существенных интересов социального субъекта, включение в ее ареал «случайных» объектов. Такая «неизбирательность» ведет к постепенной утрате социальным субъектом способности приспосабливаться к изменяющимся условиям, превращая деструктивную деятельность в способ его существования. К числу деструктивных конфликтов мы относим те, в структуре которых доминируют деструктивные функции.

Мы исходим из того, что факторами трансформации социальных напряжений в проявления социальной деструкции могут быть объективные условия совместной деятельности [8] а также интерпретация сложившейся социальной ситуации: фрустрированная идентичность [9] осознание несовместимости интересов [10] идентификация «противоположного» субъекта взаимодействия [11, 16]. В контексте исследования социальной деструкции особый интерес приобретает теория относительной депривации, определяемая, как воспринимаемое расхождение между ценностными ожиданиями и ценностными возможностями [12, 75].

Периодически фиксируемые быстрые, лавинообразные процессы в социальной среде актуализируют вопрос о том, «...какие существуют требования, позволяющие избегать вероятностного распада сложных структур вблизи моментов максимального развития» [13, 5].

Принципиально важно, что нелинейная положительная обратная связь «...уже содержит в себе внутренние механизмы переключения режимов – механизмы самоорганизации, образования структур» [14, 12]. Выявление механизмов «переключения режимов», позволяющее прогнозировать характер возникающих механизмов самоорганизации деструктивной направленности, выступает одним из важных направлений исследования социальной деструкции.

Недостаток знаний о субъекте потенциального деструктивного взаимодействия имеет следствием «расплывчатость очертаний», позволяющую увидеть лишь «то, как его поддерживает, возвышает или же унижает тот всеобщий тип, к которому мы его причисляем» [15, 19]. В связи с этим, необходимо учитывать, что «...усилия, действия отдельного человека не бесплодны, они отнюдь не всегда полностью растворены, нивелированы в общем движении социума. В особых состояниях неустойчивости социальной среды действия каждого отдельного человека могут влиять на макросоциальные процессы» [16, 5], что предполагает выявление, описание и анализ индивидов, групп, структур, имеющих выраженную деструктивную направленность, их влияние в структурах власти разного уровня, общественных структурах, СМИ, а также среди организаторов массового протеста. Весьма важно выявление деструктивного характера деятельности лидеров общественного мнения (реальных и мнимых, «назначенных»).

Деструктивные силы присутствуют в структуре всех социальных слоев и групп, внутри государственных и общественных структур, во власти и в оппозиции, в СМИ. Задача заключается в том, чтобы выявить характер и направленность их деятельности, проанализировать степень их влияния. Следует иметь в виду, что эволюция групп, стремящихся сообщить социальным процессам удобную им форму, на декларативном уровне зачастую направлена на решение реальных задач, стоящих перед обществом. Причем, чем более резко и агрессивно они выступают против обеспечивающих безопасность и стабильность общественных институтов и государственных структур, тем более своекорыстными и социально безответственными оказываются их усилия, тем более острую и непредсказуемую форму может обрести массовая реакция на них. Она может принять форму бунта против государства, грозящего обществу откатом в варварство.

Выявление и раннее предупреждение проявлений социальной деструкции ограничено жесткими временными рамками процесса усиления до определенного предела уровня социальной напряженности, обретения ею черт социальной деструкции. Попытки регулирования темпов и ритмов процесса достижения такого «предела» чаще всего принимают формы «искусственного притупления» или «искусственного обострения» социального противоречия.

Следует подчеркнуть, что сегодня не существует универсальных рецептов предупреждения, локализации и блокирования проявлений социальной деструкции, поскольку в процессе своего становления они обретают многофакторный, сложносоставной характер. Направленность и динамика этих проявлений тесно связаны с доминирующими ценностями, преобладающими стереотипами поведения, уровнем конфликтологической культуры и особенностями конфликтологических практик, распространенных в той или иной локально-территориальной общности.

Органическое соединение комплексного знания о взаимосвязи социальных напряжений и социальной деструкции с практической деятельностью – мониторингом социальных напряжений, ориентированном на раннее предупреждение социальной деструкции, позволит выяснить степень адекватности и границы применения теоретических моделей для исследования реальных проявлений социальной деструкции в регионах России. Трансформация знания о социальной деструкции в практические действия по ее прогнозированию, раннему предупреждению и, при необходимости, блокированию предполагает, прежде всего, включение этого знания в структуру управленческих практик.

С практической точки зрения важно не только понять роль и место социальной напряженности в становлении и расширении социальной деструкции, но и превратить ее мониторинг в реально наблюдаемый и измеряемый процесс. Для этого необходимо разработать и апробировать методический аппарат, позволяющий в структуре растущих социальных напряжений фиксировать элементы социальной деструкции.

Список литературы

1. Сорокин П. Человек, цивилизация, общество. – М.: Республика, 1992.
2. Куконков П. Социальная напряженность как этап в процессе развития конфликта / Социальные конфликты: экспертиза, прогнозирование, технологии разрешения. – М., 1995. – Вып. 9. – Ч.1.
3. Штомпка П. Социология. Анализ современного общества. – М.: Логос, 2005.
4. Федотова В.Г. Русская апатия как противостояние хаосу // www.intelros.org.
5. Дюркгейм Э. Самоубийство: социологический этюд. – М.: Мысль, 1994.
6. Дарендорф Р. Тропы из утопии. – М.: Праксис, 2002.
7. Ним Е.Г. Специфика проявления конфликтности и деструкции в религиозной жизни общества. Автореф. дисс. ... канд. соц. наук. – Барнаул, 1999.
8. Агеев В.С. Психология межгрупповых отношений. – М.: Изд-во МГУ, 1983.
9. Лебедева Н.М. Психологические исследования социокультурной модернизации. – М.: РУДН, 2007.
10. Крисберг Л. Мировоззрение, мир-сохранение и разрешение конфликтов // СоцИс. – 1990. – № 11.
11. Куконков П.И. Указ. соч.
12. Гарр Т. Почему люди бунтуют. – СПб.: Питер, 2005.
13. Князева Е.Н., Курдюмов С.П. Синергетика как новое мировидение: диалог с И. Пригожиным // Вопросы философии. – 1992. – № 12.
14. Князева Е.Н., Курдюмов С.П. Указ. соч.

15. Зиммель Г. Человек как враг // Социологический журнал. – 1994. – № 2.
16. Князева Е.Н., Курдюмов С.П. Указ. соч.

Динамика развития экологических конфликтов в туристической деятельности

Лежнин В.В.

Поволжский Государственный Технологический Университет, г. Йошкар-Ола.

Экологические конфликты – одна из наиболее часто встречающихся разновидностей, или групп, социальных конфликтов, возникающих практически на протяжении всей истории существования человечества. Подход к ним основан на двух допущениях. Первое: экологические конфликты имеют сущностные черты и механизм развития, присущие любому социальному конфликту. Во вторых эти конфликты обладают одновременно весьма существенной спецификой. Своеобразны предмет и причины экологических конфликтов, процессы их возникновения, протекания и разрешения. Особыми являются последствия этих конфликтов, весьма опасна их неосознанность, непонятность.

Своеобразны и внешние условия динамики экологических конфликтов. Первая специфическая черта экологических конфликтов, определяющая как методику их распознавания и оценки, так и способы правового и иного регулирования, состоит в их свойственности обществу. Экологические конфликты, будучи, с нашей точки зрения, в принципе порождены самим взаимодействием общества и природы, отражают содержание процессов жизни людей в существующих природных условиях, специфику сложившихся экологических ниш.

Экологический конфликт есть объективное явление и не обязательно негативное. Общество, люди вынуждены жить в условиях экологических конфликтов, считаться с ними, а также с возможностью их возникновения и необходимостью преодоления.

Взаимодействие общества и природы осуществляется на принципиально ограниченной базе и связано с расходом объективно ограниченных, трудно восстанавливаемых или вообще невозстанавливаемых ресурсов. Это обуславливает характер экологического конфликта в туристической сфере. Действительно, проблема выбора между различными вариантами поведения, которая присуща всему социальному развитию, особенно сказывается на поведении в ограниченной нише и при ограниченных возможностях. В современных условиях это постоянное свойство экологического поведения обостряется тем, что, по мнению многих специалистов, человечество живет в долг у природы, так как уровень потребления природных ресурсов превышает способность природы к их пополнению или восстановлению, воспроизводству [2, 112]. Следующая специфическая черта экологических конфликтов состоит в их социальной, общественной природе и значимости. В сущности, экологические конфликты в туристической сфере невозможно представить себе как столкновение людей и окружающей среды, общества и окружающей среды. Это всегда столкновение между людьми. Любой выигрыш одного участника взаимодействия с окружающей средой, природой может оказаться проигрышем для другого. Это означает, что в принципе невозможно нанести ущерб окружающей среде так, чтобы не задеть интересы третьих лиц. Следовательно, человечество заинтересовано в разрешении конфликта, даже если это не осознается при анализе данного конфликта. Разумеется, в конкретной ситуации разрешения конфликта могут быть лучше или хуже учтены интересы группы населения или страны, но в целом последствия экологического конфликта связаны с сохранением или нарушением общего и единственного базиса жизни людей. Далее, существенной чертой экологического конфликта, характерной, возможно, и для иных конфликтов, можно считать гносеологические трудности их оптимального решения [2, 115]. Это относится не только к экологиче-

ским конфликтам в целом, но едва ли не к каждому экологическому конфликту в отдельности (Рис.1). Объясняется это тем, что выбор в сфере взаимодействия с природой ограничен уровнем человеческих знаний, которые в принципе недостаточны, их переоценка уже много раз приводила к неверным решениям, к выбору худшей модели снятия конфликта.

Известно, что, кроме того, внешние и внутренние факторы принимаемых решений изменчивы; человечество в целом, равно как и его отдельные представители, в сущности, не имеют достаточных возможностей просчитать и предвидеть последствия того или иного решения конфликта. Таким образом, экологические конфликты и конфликтогенные ситуации свойственны экологическим процессам и экологическому поведению, имеют жизненное значение для человечества, должны постоянно быть предметом социального контроля (мониторинга). Наиболее показательным признаком экологического конфликта является предмет конфликта, т.е. действия, которые совершаются или должны совершаться по отношению к окружающей среде, природному объекту. Стороны в случае экологического конфликта занимают ясно или неявно, осознанно или неосознанно различные позиции относительно субъекта и характера собственности и использования природного объекта либо его свойств, независимо от того, идет ли речь собственно об использовании объекта или о возможных либо существующих последствиях такого использования [2, 117]. Практика показывает, что к негативным экологическим последствиям в сфере туризма вполне могут приводить технические, политические, экономические, национальные и иные конфликты, приобретая тем самым более сложный, смешанный характер. Так, военные действия, блокада путей сообщения, иные формы политических конфликтов связаны с принятием решений, наносящих экологический ущерб, с прямым уничтожением объектов окружающей среды. Национальные и иные конфликты отвлекают от решения достаточно традиционных экологических задач [3, 91].

Широко известны факты уничтожения лесов, парков, гибели животных в ходе военных столкновений в межнациональных конфликтах, нанесение во время войны ущерба ландшафтам, заповедникам, загрязнение водных источников. Реальность конфликта – это его социальное сущностное и финальное (целевое) качество, которое окончательно устанавливается в каждом отдельном случае. При реальном конфликте целью его разрешения является принятие решения об изменении судьбы природного объекта, окружающей среды в целом, способов воздействия на нее. Для многих участников конфликта его экологическая составляющая может быть только фоном, средством, аргументом. Более того, такое положение можно считать распространенным. Часто конфликт происходит между участниками, заинтересованными в охране природы, мотивированными экологически, и субъектами, пренебрегающими ею.

В настоящее время произошли, показательные и ожидаемые изменения в состоянии экологической конфликтности в туристической деятельности. Она довольно интенсивно перемещается на более низкий уровень в иерархии конфликтов, вытесняясь политическими и экономическими конфликтами. Разумеется, происходящие перемены не свидетельствуют об улучшении экологической обстановки. Уход экологических конфликтов на периферию социального внимания не снимает самих этих конфликтов. На фоне общих негативных процессов в сфере экологии, характеризующихся во многих случаях как экологическая катастрофа, в стране происходят конфликты как на общефедеральном, так и на местном уровне, в рамках как общества в целом, так и отдельных социальных групп [3,94].

Рис. 1. Структура конфликта

Наиболее распространены конфликты в сфере межгосударственных отношений и конфликтогенные ситуации в сфере использования потребительских природных ресурсов (охота, рыбные промыслы, разработка нерудных ископаемых и т.п.), в сфере землепользования, городского строительства. Показателями этих конфликтов являются данные (хотя и недостаточно полные) об административной ответственности и гражданско-правовых спорах. Крупномасштабные, условно говоря, общенациональные, экологические конфликты оказались в состоянии определенного замораживания. Сама экологическая конфликтность реально не снята, но загнана вглубь. Это проявляется в том, что продолжает наращаться негативное воздействие на окружающую среду, а, следовательно, углубляется размежевание экологических интересов. В экологической сфере существует высокая степень конфликтогенности [1, 103]. Пока что она ослабляется тем, что в новых условиях экологические интересы многих групп населения осознаны слабо; они подавляются актуальностью экономических потребностей, страхом перед насилием, общей неопределенностью развития, неадаптированностью отдельных групп населения к происходящим переменам. Можно с высокой степенью вероятности утверждать, что это временное состояние и что уже в ближайшее время пружина экологических разногласий может привести к возникновению острых экологических конфликтов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.